MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80016-15

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

ZLOTNIKOV, MIKHAIL F.

TITLE:

...PODIACHIE IVANOVSKOI...

PLACE:

PETROGRAD

DATE:

1916

Master Negative #
91-80016-15

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

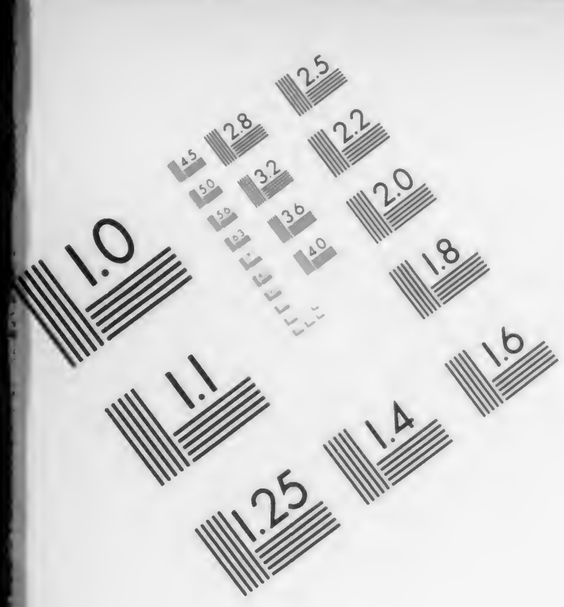
947
Z
v.8 Zlotnikov, Mikhail Fedotovich,
...Pod'ſachïe Ivanovskoĭ ploshchadi. K istorïi notarïata Moskovskoĭ Rusi. «On the history of the notarial fuhctions in Moscow Russia» Petrograd, Tip. M. M. Stasiŭlevicha, 1916.
50 p. 26 cm.

At head of title: M. F. Zlotnikov.
Reprint from: "Sbornik statei, posviashchennykh A. S. Lappo-Danilevskomu ego uchenikami.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35 mm REDUCTION RATIO: 11/x
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/25/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

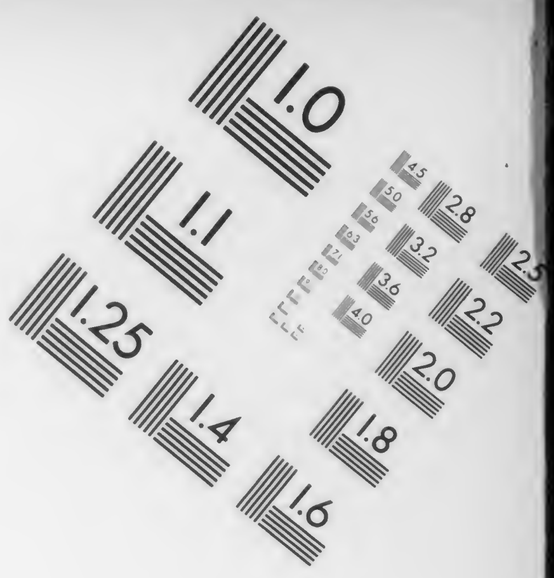


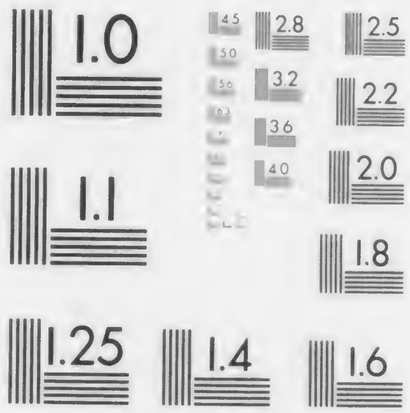
AIIM

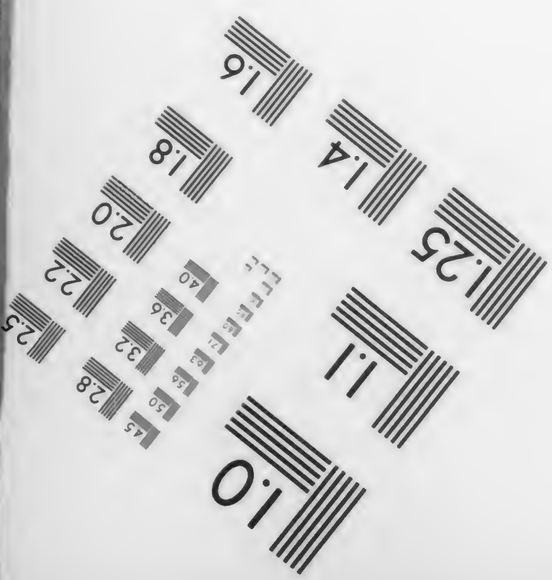
Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

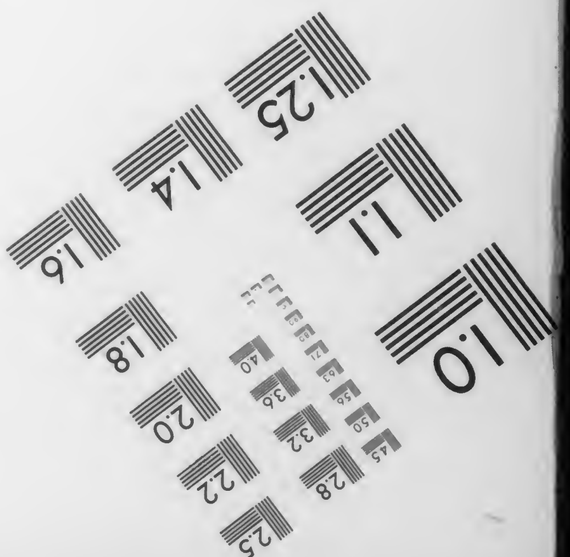
301/587-8202







MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.



40.5

М. ф. Злотниковъ.

Подьячіе Ивановской площади.

Къ исторіи нотаріата Московской Руси.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника статей, посвященныхъ
А. С. Лаппо-Данилевскому его учениками.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1916.

PRINTED IN RUSSIA.

Глубокоуважаемому
Александру Евгеньевичу
Пріятному
отъ автора

М. ф. Злотниковъ.

Подьячіе Ивановской площади.

Къ исторіи нотаріата Московской Руси.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника статей, посвященныхъ
А. С. Лаппо-Данилевскому его учениками.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1916.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 15 мая 1916 г.

Подьячіе Ивановской площади.

Къ исторіи нотаріата Московской Руси.

Подьячіе Ивановской площади.

Къ исторіи нотаріата Московской Руси.

М. Ф. Злотниковъ.

Приблизительно съ середины XVI в. въ Московской Руси существовалъ весьма своеобразный институтъ площадныхъ подьячихъ, выполнявшій (до конца XVII в.) главнымъ образомъ нѣкоторыя нотаріальныя функціи въ соотвѣтствовавшихъ, конечно, тому времени формахъ. Исторія и организація этого института еще не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія русскихъ ученыхъ. Такое положеніе отчасти объясняется незначительностью и разрозненностью имѣющагося печатнаго матеріала о площадныхъ подьячихъ. Полная разработка вопроса безъ привлеченія архивныхъ данныхъ не представляется возможной. Конечно, нѣтъ нужды говорить о важности изученія нашего древняго нотаріата [1]) или отдѣльныхъ его частей. Она ясна всякому интересующемуся историко-юридическими вопросами Московской Руси. Кромѣ того, изученіе института площадныхъ подьячихъ имѣетъ значеніе для отечественной дипломатики.

Работа надъ частными юридическими актами московскаго періода въ кружкѣ по дипломатикѣ академика А. С. Лаппо-Данилевскаго дала возможность нѣсколько пополнить скудныя печатныя свѣдѣнія о площадныхъ подъячихъ тѣми наблюденіями, которыя можно извлечь изъ изученія конечнаго протокола (protocole final) частноправового акта этого періода. Такому изученію подверглись

[1]) Таковымъ «площадь» считаетъ проф. И. А. Базановъ, Вотчинный режимъ въ Россіи, Томскъ, 1910 г., сс. 7, 10; см. также мнѣнія о площадныхъ подъячихъ Л. Б. Мандельштама, Учрежденіе нотаріата въ Россіи и его организація, въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, с. 28; Н. Оглоблина, Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141; С. А. Шумакова, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, с. 430.

въ довольно значительномъ количествѣ акты, писанные въ Москвѣ на Ивановской площади. Площадные подьячіе, работавшіе на ней, и являются предметомъ настоящаго очерка. Матеріаломъ служили, помимо указанныхъ уже частныхъ актовъ, законодательство, поскольку оно касалось «площаднаго письма», и тѣ имѣющіеся въ печати немногочисленные документы, которые непосредственно относятся къ вопросамъ управленія и внутренняго устройства «площади» не только Ивановской, но и другихъ аналогичныхъ ей по строенію. Однако, эти данныя настолько скудны, что позволяютъ разсмотрѣть только нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи и организаціи подьячихъ Ивановской площади.

Въ существующей печатной литературѣ о площадныхъ подьячихъ встрѣчаются преимущественно свѣдѣнія весьма общаго характера, иногда даже невѣрныя. Изслѣдователи разсматривали площадныхъ подьячихъ главнымъ образомъ въ связи съ законодательствомъ по данному вопросу, при этомъ нѣкоторые изъ нихъ касались и подьячихъ Ивановской площади [1]).

[1]) Укажемъ главнѣйшія работы, въ которыхъ затрагивается вопросъ о площадныхъ подьячихъ: В. Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, издан. царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1649 г., Спб., 1833 г., сс. 78—79; А. Станиславскій, Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество, Казань, 1842 г., сс. 129—36; К. А. Неволинъ, Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, въ полномъ собраніи сочиненій, Спб., 1857 г., т. IV, сс. 45—58; И. Энгельманъ, О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, Спб., 1859 г., сс. 84—86, 103, оба послѣдніе довольно подробно остановились на вопросахъ, касающихся возникновенія площадныхъ подьячихъ, ихъ организаціи и пр. С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изданіе Обществ. Пользы, книга III, сс. 705—706, 1180; И. Снегиревъ (при сотрудничествѣ Мартынова), Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города, изд. А. Мартынова, М., 1865 г., т. I, сс. 174—75, въ трудѣ говорится о подьячихъ Ивановской площади, но весьма поверхностно и даже съ ошибками, такъ, напримѣръ, смѣшиваются площадные и таможенные подьячіе; М. Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, Спб., 1871 г., сс. 360—361 (о площадныхъ подьячихъ, состоявшихъ при патріаршихъ приказахъ); Н. Оглоблинъ, Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в., въ Жур. Мин Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, сс. 119 — 50, октябрь, сс. 219—41, послѣдняя статья имѣетъ важное значеніе, такъ какъ въ ней содержатся свѣдѣнія не только по вопросу о происхожденіи площадныхъ подьячихъ, но и объ ихъ занятіяхъ, организаціи и положеніи; Н. Л. Дювернуа, Конспектъ лекцій по русскому гражданскому праву, Спб., 1897 г., с. 54; И. Забѣлинъ, Исторія города Москвы, изданіе второе, М., 1905 г., ч. I, сс. 314—15, 584, авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ указаній относительно ивановскихъ площадныхъ подьячихъ, которыхъ онъ, однако, смутно отличаетъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, введенныхъ Петромъ Великимъ въ 1701 г. Встрѣчаются свѣдѣнія относительно площадныхъ подьячихъ въ работахъ, касающихся

Нотаріатъ, какъ учрежденіе, появляется на Западѣ и въ Россіи довольно поздно, когда народъ достигаетъ извѣстной стадіи государственнаго и культурнаго развитія. Обыкновенно ему предшествуетъ долгій періодъ, въ который одна изъ первоначальныхъ функцій нотаріусовъ — писаніе частныхъ юридическихъ актовъ предоставляется всѣмъ желающимъ. Такъ, въ раннюю эпоху Московской Руси ихъ могъ писать всякій знающій письмо человѣкъ. Такими лицами преимущественно являлись духовенство, церковный причтъ и приказные люди,—дьяки и ихъ помощники подьячіе, занимавшіе разныя административныя должности [1]).

Съ конца первой половины XVI в. начинаютъ попадаться свѣдѣнія, что писаніе всякаго рода частныхъ актовъ является спе-

---

исторіи нотаріата, какъ-то: Л. Б. Мандельштама, Учрежденіе нотаріата и его организація, въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, сс. 27—29, статья въ данномъ вопросѣ не свободна отъ неточностей; А. М. Ѳемелиди, Русскій нотаріатъ, пособіе къ изученію русскаго нотаріальнаго права. Спб., 1902 г., сс. 61—68; А. Гасмана, Историческій очеркъ нотаріата, въ Объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части, Спб., 1904 г., ч. I, сс. I—LVIII. Цѣнны разнаго рода замѣчанія о площадныхъ подьячихъ, встрѣчающіяся въ многочисленныхъ статьяхъ и сборникахъ актоваго матеріала С. А. Шумакова; весьма цѣнна также статья А. С. Лаппо-Данилевскаго, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвящен. В. О. Ключевскому, М., 1909 г., сс. 719—64, въ ней впервые подробно разсматривается вопросъ о формулярѣ акта (служилой кабалы), его клаузальномъ составѣ и выясняется зависимость ихъ отъ писца. Послѣдней по времени работой, затрагивающей вопросъ о «площади» въ общей формѣ, является трудъ проф. И. А. Базанова, Вотчинный режимъ въ Россіи, въ Извѣстіяхъ Император. Томскаго Универ., 1910 г., кн. 39, сс. 7—11 (и отдѣльно), въ немъ значительное мѣсто отведено Ивановской площади. Въ вопросѣ о площадныхъ подьячихъ работа не свободна отъ недостатковъ, такъ какъ авторъ, основываясь главнымъ образомъ на трудахъ К. А. Неволина и И. Энгельмана, мало обращаетъ вниманія на новѣйшія изслѣдованія и печатный матеріалъ, появившійся въ послѣднее время. Между прочимъ, онъ напрасно сомнѣвается въ существованіи площадныхъ подьячихъ въ XVI в. въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы. Нельзя также согласиться вполнѣ съ его мнѣніемъ, что «правила о приказныхъ подьячихъ служили въ разное время нашей исторіи прототипомъ организаціи площадныхъ подьячихъ». Впрочемъ, о строеніи площади проф. И. Базановъ говоритъ немного. Болѣе подробно онъ разсматриваетъ вопросъ о значеніи площади, какъ нотаріальнаго установленія; въ этомъ заключается значительный интересъ страницъ, посвященныхъ разсматриваемому нами вопросу.

[1]) К. А. Неволинъ по этому поводу говоритъ такъ: «Грамоты были писаны, какъ непосредственно самими лицами, до которыхъ онѣ касались, такъ и посторонними. Вообще же онѣ были писаны всѣми лицами умѣвшими писать, слѣдовательно, всего чаще дьяками разныхъ правительствъ и должностныхъ лицъ, какъ-то: княжескими, архіерейскими, монастырскими, церковными, таможенными, земскими»; Op. cit., с. 49.

ціальнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ людей. Послѣдніе, какъ тогда выражались, «кормятся перомъ». Они носили различныя наименованія: писчика, площадного писчика, площадного дьячка, подьячаго съ площади, площадного подьячаго, писчаго подьячишки. Площадными они назывались по мѣсту своей работы,—площади, подобно тому, какъ римскіе tabelliones назывались иногда forenses оттого, что конторы ихъ помѣщались на площадяхъ [1]). Но наряду съ этими писцами профессіоналами продолжали писать акты и другія лица. Писцы профессіоналы положили начало институту площадныхъ подьячихъ, который получилъ значительное распространеніе и важное значеніе въ XVII в. Въ исторіи его, какъ нотаріата, слѣдуетъ различать два періода: до и послѣ Уложенія 1649 г. Въ первый періодъ исторически сложившаяся «площадь» занималась писаніемъ актовъ наряду съ другими учрежденіями и лицами. Однако, она мало-по-малу пріобрѣтала первенствующее положеніе въ дѣлѣ совершенія актовъ, хотя акты, писанные на ней, еще ничѣмъ не были отличены отъ другихъ. Роль и значеніе «площади» весьма увеличились со времени Уложенія, когда ей официально было поручено совершеніе важнѣйшихъ актовъ, чѣмъ узаконялся уже существовавшій, повидимому, во многихъ мѣстахъ обычай. Такимъ образомъ, «площадь» стала органомъ, исполняющимъ нотаріальную функцію съ инымъ, чѣмъ прежде значеніемъ. Увеличилось также значеніе площадного акта. Съ этого времени начинается второй періодъ въ исторіи института площадныхъ подьячихъ, который продолжается до реформъ нотаріата при Петрѣ Великомъ, начатыхъ въ самомъ концѣ XVII в. и продолжавшихся въ началѣ XVIII в.

Самое раннее изъ извѣстныхъ намъ указаній на площадного подьячаго можно отнести къ 1546 г.

Въ 1565—66 гг. митрополичьи бояре—московскій митрополичій намѣстникъ и другіе разбирали любопытное дѣло по предъявленной въ судъ кредиторомъ-истцомъ Суботою Васильевымъ с. Стромиловымъ закладной кабалѣ въ 150 руб., которая была написана рукою должника-отвѣтчика Ивана Михайлова с. Чертова. Послѣдній, однако, утверждалъ, что предъявленная въ судъ кабала является подложной и при этомъ указалъ, что его руку «подписывалъ» «площадной подьячей Палкою зовутъ Белозерецъ». На вопросъ судей: «чей же сынъ Палка и гдѣ онъ живетъ», отвѣтчикъ сказалъ: «того, господине, не вѣдою, гдѣ живетъ и чей сынъ, воруетъ ходя, того не вѣдаю, гдѣ живетъ». Судъ предоставилъ срокъ Ивану Чертову для розыска подписчика. Оказалось, что послѣдній сидѣлъ въ тюрьмѣ, куда и была отправлена изъ суда память съ предписаніемъ пред-

---

[1]) Н. Ляпидевскій, Исторія нотаріата, М., 1875 г., т. I, сс. 32—33.

ставить «ісъ тюрмы на ссылку подпищика Палку Бѣлозерца, что писалъ на площади». Послѣдній былъ приведенъ на судъ и подвергнутъ допросу, выяснившему существенныя подробности о площадномъ подьячемъ этой ранней эпохи. Судьи въ присутствіи сторонъ и двухъ послуховъ кабалы спросили Палку: «знаѣш ли тѣхъ людей, которые передъ нами стоятъ, и въ каковѣ еси дѣли кажненъ і въ тюрму посаженъ?» Послѣдній отвѣтилъ: «техъ, господине, людей всехъ не знаю, а кажненъ есми і въ тюрму посаженъ въ церковъной татбѣ: укралъ есми изъ церкви Николы Чюдотворца въ Бѣлозерскомъ уѣзде въ Волоховѣ два пролога і попъ Иванъ тое церкви на меня тое тадбу доводилъ і прологи у меня выняли, да въ томъ меня казнили і въ тюрму посадили, а тому двадцать лѣтъ бѣзъ году, а судили меня на Болшемъ Дворце»... Однако, отвѣтчикъ Иванъ Чертовъ показалъ, что «кажненъ... тотъ Палка (въ) подписке, а не церковной татбѣ», при чемъ сослался на дѣло и поддерживалъ свое прежнее обвиненіе противъ Палки. Предполагаемому подписчику была предъявлена кабала, послѣ чего тотъ заявилъ: «язъ, господине, Ивановы руки не подписывалъ и тѣмъ не промышляю, въ чемъ есми Богу и государю повиненъ, въ томъ и животъ свой мучю въ тадбѣ, а не въ подписке, въ томъ, господине, и на дѣла шлюсь». Но Чертовъ продолжалъ настаивать на своемъ показаніи при чемъ отмѣтилъ, что Палка и нынѣ «лѣвою рукою пишетъ книги». Послѣдняго факта Палка не отрицалъ: «того, господине, не запираюсь», сказалъ онъ, «книги морокую отъ нужи, тѣмъ кормлюсь, а рукъ не подписываю». Судьямъ, несмотря на то, что они трижды справлялись въ приказѣ Большого Дворца, не удалось выяснить, «въ чемъ площедной подьячей Палка Белозерецъ кажненъ и въ тюрму посаженъ, въ подписке ли или въ церковной татбе», такъ какъ оттуда неизмѣнно отвѣчали, что «дѣла де старые все погорели».

По разсмотрѣніи дѣла судъ призналъ кабалу, предъявленную истцомъ, подлинной, и вслѣдствіе этого обвиненіе Чертовымъ Палки Бѣлозерца въ подпискѣ пало.

Изъ этого интереснаго дѣла видно, что Палка Бѣлозерецъ былъ площаднымъ подьячимъ въ 1546 г. и, можетъ быть, ранѣе. Нѣтъ указаній, гдѣ онъ писалъ, но возможно, что онъ работалъ на площади въ Москвѣ, гдѣ судился и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Происхожденіе его не было выяснено судомъ. Повидимому, Палка былъ человѣкъ бѣдный, дошедшій даже до воровства, а въ тюрьмѣ добывавшій себѣ средства къ жизни перепиской книгъ [1]).

[1]) Н. П. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, читан. въ Император. С.-Петер. Археол. Инст., Спб., 1905—1906 г., сс. 21—31.

Въ Москвѣ въ то время уже встрѣчались люди, которые кормились «перомъ». Это выясняется изъ разбиравшагося въ 1547 г. царемъ Иваномъ Васильевичемъ судебнаго дѣла, въ которомъ фигурировалъ подписчикъ Васка Ивановъ [1]).

Къ 60 годамъ XVI в. относится первое извѣстное намъ вполнѣ опредѣленное указаніе на площадного подьячаго въ Москвѣ, но мы полагаемъ, что площадные подьячіе существовали тамъ уже нѣсколько ранѣе.

Намъ извѣстна одна данная, которую въ 1563 г. писалъ «подячеи на Москвѣ съ площади Никитка Семенов сынъ Таратин» [2]).

Послѣдній извѣстенъ, какъ писецъ еще двухъ актовъ, изъ которыхъ первый—купчая относится къ 1550—51 гг. [3]), а второй—мировая-мѣновная писана имъ въ 1563—64 гг. [4]). Онъ же встрѣтился намъ въ качествѣ послуха мировой записи по дѣлу о Весьегонской тамгѣ, которую писалъ Ивашко Дмитреевъ сынъ Зиновьева въ 1563 г. [5]).

Объ мировыя, по нашему мнѣнію, совершены въ Москвѣ. Повидимому, нѣкоторые послухи обоихъ актовъ, а также писецъ мировой 1563 г. были сотоварищами по работѣ Никитки Семенова с. Таратина, такими же, какъ и онъ, писцами профессіоналами:

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 52, V; это дѣло важно для изученія вопроса объ изготовленіи подложныхъ документовъ и способѣ опредѣленія ихъ подложности судомъ. На допросѣ, произведенномъ царемъ подписчику, послѣдній, между прочимъ, показалъ: «человѣкъ, есми, государь, убогой; кормлюсь перомъ; а двора у меня здѣсе на Москвѣ нѣтъ, а хожу, государь, по людямъ по добрымъ, гдѣ день, гдѣ ночь»...

[2]) Грам. кол. экон., № 14, 767; см. также С. Шумаковъ, Экскурсы по исторіи Помѣстнаго приказа, М., 1910 г., с. 49; составъ послуховъ данной, повидимому, смѣшанный.

[3]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 686 об.

[4]) С. Шумаковъ, Угличскіе акты, М., 1899 г., № LXVI, сс. 125—28; въ актѣ пять послуховъ; въ текстѣ мировой-мѣновной имѣется клаузула: «И запись есмя написавъ полюбовно межъ собя розняли по противнемъ, дьякъ и послуси въ записѣхъ одны»; она нерѣдко встрѣчается въ актахъ, имѣющихъ противни. Здѣсь выраженіе «дьякъ» употреблено въ значеніи писца, а не чина. Ср. въ А. Ю. Б., т. II, № 154, I, мировую 1599 г., которую писалъ въ Нижнемъ Новгородѣ Костянтинецъ Никитинъ с., въ ней есть подобная клаузула, между тѣмъ актъ, по нашему мнѣнію, писанъ площаднымъ подьячимъ; о площадномъ подьячемъ Константинѣ Никитинѣ см. С. Веселовскій, Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., М., 1910 г., сс. 93, 240 и др.

[5]) С. Шумаковъ, Угличскіе акты, № XXXII, сс. 118—25; въ актѣ пять послуховъ; изъ нихъ Павелъ Родіоновъ с. Петрова является еще послухомъ двухъ договорныхъ записей 1548—49 гг. (С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, М., 1912 г., № 132) и 1561—62 гг. (Ibid., № 116); Петръ Ивановъ с. Ондреева является послухомъ данной 1577—78 гг. (Ibid., № 93); о трехъ другихъ послухахъ будетъ сказано въ текстѣ.

почти всѣ послухи подписались на оборотѣ актовъ полуименами, многіе безъ прозвищъ, какъ въ большинствѣ случаевъ подписывались площадные подьячіе; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ встрѣтились намъ въ качествѣ послуховъ или, что самое важное, писцовъ другихъ актовъ, заключенныхъ разнообразными контрагентами.

Такъ, послухъ мировой-мѣновной 1563—64 гг. Богданъ Ѳоминъ с. Пушкаревъ является писцомъ купчей 1565 г., совершенной въ Москвѣ. Въ числѣ ея послуховъ былъ Иванъ Дмитреевъ с. Зиновьевъ, писавшій мировую 1563 г. [1]).

Послухъ обѣихъ мировыхъ записей 1563—64 гг. Гриша Исаковъ с. Харитоновъ писалъ въ 1566—67 гг. закладную кабалу. Въ ней также встрѣчается въ числѣ другихъ послуховъ Иванъ Третьяковъ с. Ростовецъ, бывшій послухомъ мировой 1563 г. [2]) Григорій Исаковъ с. Харитоновъ встрѣтился намъ также въ качествѣ послуха данной 1559—60 гг. [3]).

Такимъ образомъ, нѣкоторые акты въ 50—60 гг. XVI в. писались въ Москвѣ писцами профессіоналами, вѣроятно, такими же подьячими съ площади, какъ Никитка Семеновъ с. Таратинъ.

Быть можетъ, они работали на Ивановской площади, какъ она обыкновенно называлась въ XVII в. На ней площадные подьячіе, при томъ уже сорганизованные, извѣстны значительно ранѣе, чѣмъ на другихъ площадяхъ, существовавшихъ въ Москвѣ [4]).

Нѣкоторымъ основаніемъ для такого предположенія служитъ то, что въ закладной кабалѣ 1566—67 гг., писанной Гришей Исаковымъ с. Харитоновымъ, послухомъ обѣихъ мировыхъ 1563—64 гг., встрѣчается въ качествѣ послуха Ондрей Семеновъ с. Малого, который, какъ увидимъ далѣе, въ 1589—90 гг. принадлежалъ къ числу ивановскихъ площадныхъ подьячихъ.

[1]) С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, № 143; въ купчей послѣ клаузулы, обозначающей канцелярію акта: «А купчую писалъ Богданко Ѳоминъ с. Пушкаревъ», говорится: «Богданко живетъ у Степана св. на Сивцовъ врагу»; это одно изъ урочищъ Москвы, (Москва, изд. Мартынова, текстъ Снегирева, т. I, сс. 8, 12, 47 и др.); Богданъ Ѳоминъ с. Пушкаревъ является еще послухомъ купчей 1560—61 гг., А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIII.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, Тверь, 1896 г., в. I, № LXVIII.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, М., 1910 г., в. V, № 15; въ числѣ послуховъ этой данной были нѣкоторые послухи купчей 1565 г., писанной Б. Пушкаревымъ, напримѣръ, Истома Нечаевъ с. (Ѳедоровъ), Семенъ Ондреевъ с. Лосминской; послѣдній самъ писалъ купчую 1558—59 гг., Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 620 об.

[4]) Возможно, что площадные подьячіе работали сперва въ Москвѣ на одной площади; этимъ, быть можетъ, объясняется выраженіе «подьячій на Москвѣ съ площади» безъ обозначенія съ какой именно. Съ появленіемъ подьячихъ на другихъ площадяхъ стали для болѣе точнаго опредѣленія канцеляріи акта указывать организацію, къ которой принадлежалъ писецъ, напр., подьячій Ивановской площади, подьячій Троицкой площади и т. п. Это, по имѣющимся у насъ пока свѣдѣніямъ, относится къ XVII в.

Со второй половины XVI в. начинаютъ встрѣчаться свѣдѣнія о существованіи площадныхъ подьячихъ и въ другихъ городахъ: Новгородѣ (1567 г.), [1]) Твери (1573 г.), [2]) Переяславлѣ Залѣсскомъ (1585—86 гг.), [3]) Псковѣ (1591—92 гг.), [4]) Ивангородѣ (1593 г.) [5]).

Первое указаніе на подьячихъ, повидимому, уже организованныхъ, работавшихъ «на площади у Ивана великаго», [6]) относится къ 1589—90 гг. Оно заключается въ одномъ судномъ дѣлѣ 1630 года. Въ этомъ году въ приказѣ Большого Дворца происходилъ судъ между Кирилловскимъ монастыремъ и Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ о спорной землѣ, — селѣ Чиркинѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ. Село это было отдано дѣдомъ Бориса Шереметева Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ въ Кирилловскій монастырь, но наслѣдники не подчинились волѣ вкладчика и продолжали владѣть имъ сами. На судѣ стряпчій монастыря Первой Рязанцевъ въ подтвержденіе правъ монастыря на село предъявилъ двѣ данныя. Первая относилась къ 1574—75 гг. и была написана человѣкомъ Ѳедора Шереметева Гришей Шибутинымъ. Въ ней не было послуховъ, имѣлась только подпись самого вкладчика. Отвѣтчикъ, человѣкъ Бориса Шереметева, Иванъ Кирьяковъ, стремясь подорвать довѣріе къ данной, указалъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что послѣдняя писана боярскимъ человѣкомъ, а не площаднымъ подьячимъ, хотя «на вотчины-де данныхъ и никакихъ крепостеи

[1]) А. А. Э., т. I, № 274.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. I, № XXX, XXXI, см. еще XLIV, (1576 г.).

[3]) Н. Лихачевъ, Сборникъ актовъ собран. въ архивахъ и библ., Спб., 1895 г., в. I, № XVIII.

[4]) И. Шляпкинъ, Опись рукописей и книгъ музея Археолог. Комис. при Псковскомъ Губерн. Стат. Комитетѣ, Псковъ, 1879 г., прил., сс. 12—13; см. еще Серебрянскій, Очерки по исторіи псковскаго монашества, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Рос., 1908 г., кн. IV, прил. XIII, № 7, сс. 576—77.

[5]) Р. И. Б., т. XVII, Записная книга крѣп. актамъ, явлен. въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, № 160; нѣсколько позже писаны №№ 158, 159, 162, 310, 311.

[6]) Такъ площадь названа въ дѣлѣ 1630 г. Это названіе встрѣтилось въ нѣкоторыхъ нашихъ актахъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Позже въ актахъ обыкновенно употреблялось названіе Ивановская площадь. Наименованіе площади произошло, какъ указываетъ И. Забѣлинъ, отъ колокольни Иванъ Великій (1600 г.), см. Исторія гор. Москвы, изд. II, ч. I, сс. 308—309; Снегиревъ думаетъ иначе, см. Москва, т. I, с. VI.

боярскимъ людямъ писать не велѣно». Тогда истецъ предъявилъ суду другую болѣе позднюю данную Шереметева, ставшаго уже инокомъ Ѳеодоритомъ, въ Кирилловскій монастырь на село Чиркино, написанную въ 1589 — 90 гг. Въ протокольной части акта значилось трое послуховъ: «Ѳторои Дмитрѣевъ сынъ Нилаевъ, Ѳедоръ Перфирьевъ сынъ Павловъ, Андрѣі Семеновъ сынъ Малого». Они же и подписались на оборотѣ данной, отмѣтивъ только свои имена: Андрей, Ѳедоръ, Второй. Въ клаузулѣ, обозначающей канцелярію акта, значилось: «а даную писалъ Семеика Моисѣевъ сынъ Стерлѣдевъ». Отвѣтчикъ обратился къ суду съ просьбой допросить истца, гдѣ представленная имъ данная писана. Истецъ согласился отвѣтить, но со слѣдующимъ условіемъ: «хочетъ ответчикъ ево Иванъ теми ево Первого речми правъ и виноватъ быть, и онъ про тое даную скажетъ, где она писана. Писали-де такову даную по Ѳедорову веленью Васильевича на Москвѣ на площади у Ивана великаго площадные записные подьячие. а не на городе і не въ селѣ» [1]).

Такимъ образомъ, въ 1589 — 90 гг. на Ивановской площади уже существовали площадные подьячіе «записные», то-есть, входившіе, повидимому, въ площадную организацію. Ихъ актамъ истецъ и отвѣтчикъ придавали, какъ видно изъ дѣла, большое значеніе. Указанная дата является самой ранней для Ивановской площади въ XVI в. изъ извѣстныхъ намъ. Но мы полагаемъ, что эта «площадь», какъ организація, существовала уже ранѣе. Наблюденія надъ подьячими, входившими въ ея составъ въ 1589—90 гг., даютъ нѣкоторое основаніе для такого предположенія.

Разсмотрѣніе протоколовъ другихъ актовъ, писанныхъ въ это время въ Москвѣ, подтверждаетъ, что послухи и писецъ данной 1589—90 гг. Ѳеодорита Шереметева являлись писцами профессіоналами, работавшими въ это время и ранѣе: они встрѣчаются при совершеніи другихъ актовъ. Такъ, Семейка Моисеевъ въ 1590—91 гг. писалъ поступную, въ числѣ послуховъ которой былъ уже извѣстный намъ, какъ ивановскій площадной подьячій, Второй Дмитреевъ с. Нелаевъ [2]). Кромѣ того, «Семейка Мосѣевъ сынъ Стерлядевъ» вмѣстѣ съ другимъ лицомъ—Меркуреемъ Алексѣевымъ

[1]) Д. Кобеко, Къ родословію Шереметевыхъ, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1901 г., октябрь, сс. 385—95, прил. I-ое; отвѣтчикъ пытался опорочить и эту данную, однако, онъ не оспаривалъ ея канцеляріи, а указывалъ, что актъ писанъ «за очи», такъ какъ вкладчика тогда «на Москвѣ» не было... Повидимому, оба акта были правильными, такъ какъ выяснилось, что монастырь на основаніи ихъ владѣлъ селомъ Чиркинымъ при жизни вкладчика.

[2]) Сборникъ кн. Хилкова, Спб., 1879 г., № 6, сс. 8—9; другими послухами поступной были Торасъ Моренковъ и Третьякъ Кононовъ с. Кабалинъ.

с. Савостьяновымъ были послухами закладной кабалы 1585—86 гг., которую писалъ послухъ данной 1589—90 гг. Ѳедорецъ Перфирьевъ с. Павлова [1]). Послѣдній извѣстенъ намъ, какъ писецъ еще двухъ актовъ, одинъ изъ которыхъ—данная относится къ 1574—75 гг. [2]).

Послухи данной 1589 — 90 гг. и послухъ закладной кабалы 1585—86 гг. Меркурей Алексѣевъ с. Савостьяновъ вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьевымъ с. Литвиновымъ и Иваномъ Матвѣевымъ с. Дементьевымъ были послухами купчей 1582 — 83 гг. Ее писалъ Пятуня Григорьевъ с. Остаѳьева [3]) Всѣ эти лица, за исключеніемъ Пятуни Григорьева, принимали участіе въ совершеніи данной 1580—81 гг., при чемъ писалъ ее уже извѣстный намъ Ѳедорецъ Перфирьевъ с. Павлова; остальные пять человѣкъ совмѣстно съ двумя другими, встрѣтившимися намъ впервые, — Истомой Овдокимовымъ с. Перфирьевымъ и Молчаномъ Михайловымъ с. Соловьевымъ были послухами акта. На оборотѣ его они расписались полуименами [4]).

Повидимому, писали и въ большинствѣ случаевъ «послушали» разсмотрѣнные акты, какъ и данную 1589 — 90 гг., на «площади».

Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ, если актъ всецѣло совершался на «площади» у профессіоналовъ, то писецъ и послухи его обыкновенно брались изъ состава одной и той же организаціи. Основываясь на такомъ наблюденіи, мы можемъ предположить, что встрѣтившіяся намъ въ различныхъ комбинаціяхъ вышеупомянутыя лица, изъ коихъ четверо принадлежали къ «записнымъ» ивановскимъ подьячимъ, входили въ одну и ту же организацію Ивановской площади [5]); судя по разсмотрѣннымъ даннымъ, она дѣйствовала уже въ 80 годы и, можетъ быть, еще ранѣе, такъ какъ двое изъ ея членовъ принимали участіе въ совершеніи актовъ 60 и 70 годовъ XVI в.

[1]) И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, М., 1891 г., ч. II, с. 611.

[2]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 86; онъ же и Ондрей Семеновъ с. Малого были въ числѣ послуховъ (смѣшаннаго состава) купчей 1566—67 гг., С. Шумаковъ, Обзоръ грам. кол. экон., в. III, № 187.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. V, № 20.

[4]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, лл. 863—64.

[5]) О лицахъ, встрѣченныхъ нами въ качествѣ послуховъ, мы говоримъ только предположительно, такъ какъ въ ту эпоху могли быть иногда послухи смѣшаннаго состава (О послухахъ—служилыхъ людяхъ см. Н. Лихачева, Къ вопросу о послухахъ въ актахъ XVI ст., въ Извѣстіяхъ Русскаго Генеалогич. Общества, Спб.. 1900 г., в. I, сс. 129—32). Помимо «записныхъ» подьячихъ на площади у Ивана Великаго, въ это время встрѣчаются въ Москвѣ еще другіе профессіоналы писцы актовъ. Одинъ изъ нихъ «писщикъ Богданко Ондреевъ сынъ Замятнинъ» писалъ данную 1579 — 80 гг., см. И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 610. Терминъ писчикъ, довольно употребительный для обозначенія писца акта особенно въ раннюю

Намъ кажется, что для ранняго образованія Ивановской площади, ставшей во второй половинѣ XVII в. главной нотаріальной организаціей въ Московскомъ государствѣ, имѣлись благопріятныя условія. На ней, какъ извѣстно, писались акты по самымъ разнообразнымъ сдѣлкамъ. Это подтверждаетъ указъ 30 января 1701 года о порядкѣ совершенія всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, который выражается такъ: «Въ прошлыхъ годахъ по 208 годъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ всякія крѣпости писаны на Ивановской площади»... [1]).

Между прочимъ, на ней совершались акты по всевозможнымъ сдѣлкамъ на помѣстья и вотчины, которые имѣли отношеніе къ дѣламъ Помѣстнаго приказа. Это видно изъ указа Петра Великаго 9 декабря 1699 г., которымъ предписывалось: «купчія и закладныя, и поступныя, и сдѣлочныя, и всякія крѣпости, которыя по Уложенію велѣно писать на Ивановской площади, а надлежатъ въ Помѣстномъ приказѣ, и ихъ писать на Москвѣ въ Помѣстномъ приказѣ»... [2]).

Такое значеніе Ивановская площадь пріобрѣла постепенно. Еще до Уложенія на ней писались весьма разнообразные акты, преимущественно тѣ, которые потомъ вносились для записки въ Помѣстный приказъ. Вообще связь ея съ этимъ приказомъ была весьма давняго происхожденія, имѣвшая корни еще въ XVI в. Если не на образованіе Ивановской площади, то во всякомъ случаѣ на ея развитіе оказало вліяніе совершеніе на ней частноправовыхъ актовъ по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ, которыми завѣдывалъ этотъ важный приказъ.

Помимо Ивановской площади, въ Москвѣ былъ рядъ другихъ «большихъ и мелкихъ площадей». Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, чѣмъ именно отличались «большія и мелкія площади» между собой: количествомъ ли подьячихъ, работавшихъ на нихъ, или разными правами, которыя онѣ имѣли въ отношеніи письма актовъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Необходимо отмѣтить, что въ то время, какъ однѣ площадныя организаціи, напримѣръ, Ивановская площадь, имѣли право совершать акты по всевозможнымъ сдѣлкамъ, другія—по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVII в., обладали весьма ограниченными правами въ отношеніи письма актовъ: онѣ могли писать только нѣкоторые изъ нихъ; къ послѣднимъ принадлежала площадная организація при Посольскомъ приказѣ и,

эпоху, указываетъ на профессію Богданки Замятнина. Слѣдуетъ отмѣтить, что встрѣченные нами въ это время въ Москвѣ писцы профессіоналы писали главнымъ образомъ акты на недвижимое имущество: купчія, данныя, закладныя кабалы на земли, дворы и т. п.

[1]) П. С. З., т. IV, № 1833.

[2]) П. С. З., т. III, № 1732.

можетъ быть, площадныя организаціи, существовавшія при другихъ приказахъ.

Свѣдѣнія о другихъ «площадяхъ», находившихся въ Москвѣ, помимо Ивановской, имѣются главнымъ образомъ за вторую половину XVII в., однако, есть указанія на существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и ранѣе. Однѣ изъ нихъ, подобно Ивановской организаціи, существовали самостоятельно и были сосредоточены на площадяхъ, другія находились при опредѣленныхъ приказахъ свѣтскихъ или духовныхъ властей. Такъ, намъ встрѣтились указанія на площадныхъ подьячихъ Дворцовой и Троицкой площадей. Площадные подьячіе на первой изъ нихъ извѣстны съ 1649 г. [1]) Свѣдѣнія о Троицкой площади имѣются у насъ съ 60 годовъ XVII в. [2]).

На этой площади, какъ и на многихъ другихъ, работали въ концѣ XVII в. стрѣльцы. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что на обѣихъ площадяхъ писались разнообразные акты, какъ-то: данныя, жилыя, купчія, мѣновныя, поступныя, третейскія и пр.

Какъ уже было указано, въ Москвѣ существовали организаціи площадныхъ подьячихъ при приказахъ свѣтскихъ властей. Намъ извѣстны площадные подьячіе на площадяхъ у слѣдующихъ приказовъ: Стрѣлецкаго въ 1658 и 1659 гг. [3]), Разряда въ 1658 г., [4]) въ 1689 г. и позже [5]), Казанскаго Дворца въ

[1]) Въ 1649 г. въ Москвѣ писалъ купчую «Дворцовой площади подьячей Ѳонка Ѳедоровъ», И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 637; въ 1670 г. писалъ запись о третейскомъ судѣ «дворцовые площади подьячей Ивашко Ѳоминъ», А. Ю. Б., т. II, № 223, I; наконецъ, въ 1682 г. писалъ мѣновную запись «дворцовой площади подьячей Сенка Михайловъ», С. Шумаковъ, Тверскіе акты, Тверь, 1897 г., в. II, № CXI.

[2]) Въ 1660 г. на ней писалъ сказку «Троицкой площади подьячей Ивашко Тимоѳеевъ», Акты Моск. Государ., издан. Императ. Академіей Наукъ, Спб., 1901 г., т. III, № 24; въ 1680 г. писалъ поступную запись «Троецкіе площади подьячей Васка Муромщиковъ», И. Забѣлинъ, Матеріалы для истор., археол. и стат. гор. Москвы, ч. II, с. 674; въ 1686 г. трое подьячихъ этой площади: Червякъ Якушко, Сочиловъ Анашка и Колосовъ Пронка приложили руки вмѣсто «подрятчиковъ и каменщиковъ» къ подрядной записи, совершенной на Ивановской площади, А. Ю. Б., т. II, № 254, II; въ 1694 г. писалъ данную «Троецькой площеди подьячей столника и полковника Иванова полку Григорьевича Озерова стрѣлецъ Гришко Кудровъ», А. Ю. Б., т. I., № 66, IV; въ 1695 г. «Троицкой площади подьячій стольника и полковника Иванова полку стрѣлецъ Степка Михолевъ» писалъ «служилую» запись, Русская Вивліѳика, изд. Н. Полевого, М., 1833 г., кн. I., сс. 397—98.

[3]) А. А. Соколова и А. К. фонъ Меккъ, Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, М., 1910 г., кн. I, сс. 255, 287, 379.

[4]) Ibid., с. 273; писалъ поручную «Розрядныхъ сѣней площедной подьячей Микишко Лужецкой».

[5]) Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ., ред. А. Труброва, Спб., 1888 г., т. III, с. 309—20, 761—62, 1003—10, здѣсь помѣщены по-

1659 г. [1]) и въ 1695 г. [2]), Большого Дворца въ 1677 г. [3]) и позже въ 1689 г. [4]), Холопья Суда въ 1684 г. [5]), Большой Казны въ 1686 г. [6]), Владимирскаго Суднаго въ 1689 г. [7]), Иноземнаго въ 1693 г. [8]) и Посольскаго за 1670—91 гг. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о площадной организаціи у Посольскаго приказа вообще даютъ нѣкоторое понятіе о характерѣ «площадей», существовавшихъ при приказахъ. По своему устройству она нѣсколько приближается къ общему типу такихъ организацій, примѣромъ которыхъ можетъ служить Ивановская площадь. Однако, она значительно отличается отъ послѣдней правами въ отношеніи письма актовъ. Площаднымъ подьячимъ, работавшимъ на ней, запрещено было писать «заемные кабалы и іные крепости», то-есть именно тѣ акты, какіе писались на «площадяхъ» въ родѣ Ивановской. Имъ только разрѣшалось писать «челобитные и приставные памяти, и с суда и к суду поручные записи», какъ это видно изъ поручной по одномъ стрѣлецкомъ пятидесятникѣ, вступившемъ на площадь у Посольскаго приказа въ 1692 г. [9]). Такимъ образомъ, дѣятельность этихъ площадныхъ подьячихъ сводилась къ писанію самыхъ необходимыхъ судебныхъ бумагъ для лицъ, имѣвшихъ дѣла въ приказѣ. Совершеніе болѣе важныхъ актовъ, носившихъ названіе крѣпостей, что составляло существенную функцію другихъ «площадей», имъ было воспрещено. Конечно, ихъ съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ, напримѣръ, ивановскихъ площадныхъ подьячихъ можно причислять къ органу нотаріата. За отсутствіемъ свѣдѣній нельзя сказать съ увѣренностью, существовало ли такое ограниченіе дѣятельности площадныхъ организацій при другихъ приказахъ. Можно только отмѣтить, что въ извѣстныхъ намъ случаяхъ площадные подьячіе при перечисленныхъ ранѣе приказахъ занимались рукоприкладствомъ

ручныя, которыя писали подьячіе «Розрядные площеди»; Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, Спб., 1837 г., с. 48; Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16, стб. 1431, I, с. 431.

[1]) А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., с. 289.

[2]) Извѣстія Тамбов. Учен. Арх. Ком., в. 28, отд. II, с. 146.

[3]) А. Ю. Б., т. I, № 93, IV.

[4]) Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 16, стб. 1286, III, с. 362; въ этомъ году просился «писать на площади у приказу Большого Дворца въ указномъ числѣ» на мѣсто умершаго въ Крымскомъ походѣ Гр. Быкова полковой сотенный стрѣлецъ Андрей Ѳедоровъ.

[5]) П. С. З., т. II, № 1073.

[6]) А. Ю. Б., т. II, № 254, III.

[7]) Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщ., т. III, сс. 1006—7.

[8]) А. Ю. Б., т. II, № 258, IX. О пл. подьячихъ въ XVIII в. см. въ статьѣ с. 49, прим. 4-ое.

[9]) С. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ Приказѣ, М., 1906 г., с. 166.

или письмомъ слѣдующихъ актовъ: отпускной, мировой памяти, различныхъ поручныхъ (главнымъ образомъ судебныхъ).

Въ организаціи «площади» при Посольскомъ приказѣ есть черты сходныя съ общимъ типомъ ея устройства, каковымъ мы считаемъ Ивановскую площадь. Въ 1691 г. на ней состояло въ «указномъ числѣ» десять человѣкъ «государственнаго Посольского приказу площадныхъ подьячихъ», какъ они сами себя именовали. Это «указное число» опредѣлялось обыкновенно указомъ государя. Однако, сверхъ него на ней имѣлось четыре человѣка «лишнихъ», что видно изъ челобитной 1691 г. подьячихъ, которые писали: «противъ вашего великих государей указу і за указнымъ числомъ сверхъ 10 человѣкъ у вашего государственнаго Посольского приказу площадныхъ лишнихъ 4 человѣка»... Конечно, это не могло быть въ интересахъ организаціи, и сами площадные подьячіе просили: «велите, государи, у своего государственнаго Посольского приказу на площади противъ своего великих государей указу быть нам, холопем вашимъ, площаднымъ прежнему указному числу 10 человѣкомъ, і о томъ о всемъ на сей нашей заручной челобитной свой великих государей милостивой указ учинить впредь для спору, чтоб, государи, сверхъ указново числа у вашего государственнаго Посольского приказу площадных не было, а намъ бы, холопем вашим, за службишка наши было чем прокормитца». Впрочемъ, изъ четырнадцати человѣкъ девять въ 1691 г. находились въ «службѣ великих государей». Всѣ подьячіе были «розных полковъ стрельцы», назначенные на «площадь» кормиться «писмишком». Во главѣ организаціи стоялъ староста. Въ это время имъ былъ Семіонъ Игнатьевъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ «площади», состоявшій на ней съ 1670—71 гг. Послѣдняя была подчинена Посольскому приказу, приставу котораго въ 1692 г. представлена была уже упоминавшаяся поручная по вступавшемъ на «площадь» стрѣлецкомъ пятидесятникѣ Кондратьѣ Симоновѣ. Въ 1690—91 гг. на этой же площади стрѣлецъ Іевъ Токаревъ, идучи на «государскую службу в Киевъ, поступился на время для своей бездельной корысти, а не вовсе, площаднаго своего мѣста» своему племяннику стрѣльцу Тимоѳею Кондратьеву. Эта временная поступка мѣстомъ, необычная на «площади», къ тому же совершенная тайно отъ другихъ подьячихъ, вызвала протестъ всей организаціи. Староста Сенка Игнатьевъ съ «товарыщи» подалъ челобитную объ удаленіи съ «площади» обоихъ вышеупомянутыхъ лицъ и о подтвержденіи на ней прежняго указнаго числа. Подьячіе писали: «а для ваших великих государей служеб на время площадных своих мѣстъ, никому мы, холопи ваши, и свойственником своимъ противъ своей братьи іных

больших і мелких площадей не поступывалися, і на их мѣста, которые бывают посланы на ваши великихъ государей службу наша братья площадные подьячие, челобитчиков никого не принимывали, і такова обрасца, что для вашей государской службы площадным кому б мѣсто свое на время здать іли на их мѣсто челобитчиков принимать на всѣх площадях нѣт і не бывало»... [1])

Изъ челобитной видно, что площадные подьячіе могли поступаться своими мѣстами, но только не временно, а повидимому, навсегда, принимать новыхъ «челобитчиковъ», конечно, съ согласія властей, а также ходатайствовать объ удаленіи неугодныхъ имъ членовъ. Строй и отношенія на этой «площади» показываютъ, что она пользовалась нѣкоторой долей самостоятельности въ своей внутренней жизни.

Намъ также извѣстно нѣсколько площадныхъ организацій, существовавшихъ въ Москвѣ при приказахъ духовныхъ властей. Такъ, въ 1647 г. писалъ поручную запись «Судного Патріарша Приказу площадной подьячей Ивашка Васильевъ» [2]).

Въ 1690—1700 гг. встрѣчается рядъ площадныхъ подьячихъ «Патріарша Розряду», которые занимались рукоприкладствомъ къ актамъ или письмомъ поручныхъ разнаго рода и въ одномъ случаѣ отпускной памяти [3]).

Извѣстно также о существованіи площадныхъ подьячихъ Дворцоваго патріарша приказа. Относительно двухъ послѣднихъ организацій сохранился любопытный указъ 1699 г. патріарха Адріана, который стремился примирить сталкивавшіеся интересы площадныхъ подьячихъ этихъ двухъ приказовъ, находившихся недалеко одинъ отъ другого [4]).

Въ немъ также заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи и характерѣ работъ на этихъ «площадяхъ». Состоявшіе на нихъ подьячіе часто перебивали другъ у друга работу: они становились на площади у воротъ сосѣдняго приказа, останавливали челобитчиковъ и напрашивались писать имъ «челобитныя и всякія писма». Такая конкуренція вызывала между ними шумъ, драку и безчинство. Патріархъ, желая положить конецъ такой неурядицѣ, указалъ площаднымъ подьячимъ обѣихъ организацій писать «челобитныя и всякія письма и руки прикладывать по дѣламъ суда» только у своего приказа; при этомъ судьямъ приказовъ было пред-

[1]) С. Бѣлокуровъ, Op. cit., сс. 164—66.
[2]) А. Ю., № 316, II.
[3]) А. Ю., № 328, II; А. Ю. Б., т. I, № 113, VI; М. Горчаковъ, Op. cit., прилож. II, №№ 33, 45, III.
[4]) М. Горчаковъ, Op. cit., прилож. II, № 35.

писано: «писма челобитенъ и писемъ не принимать и не помѣчать», если таковыя будутъ написаны площадными подьячими другого приказа. Ослушникамъ же подьячимъ указъ грозилъ «учинить жестокое наказаніе и отъ приказу отставить».

Опредѣлить точно, какіе именно акты можно было совершать на этихъ двухъ «площадяхъ», нельзя, такъ какъ терминъ «писмо»—весьма неопредѣленный. Онъ особенно вошелъ въ употребленіе въ концѣ XVII в. и могъ относиться ко всякому акту. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ имѣлись въ виду главнымъ образомъ «писма», касавшіяся судебныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, пока еще немного извѣстно намъ актовъ, писанныхъ площадными подьячими при этихъ приказахъ. Возможно, что эти организаціи, подобно площади при Посольскомъ приказѣ, предназначались преимущественно для удовлетворенія нуждъ лицъ, обращавшихся въ приказы по судебнымъ дѣламъ.

Наши свѣдѣнія объ Ивановской площади почти до конца перваго періода ея существованія необычайно скудны. Нѣкоторыя данныя мы почерпаемъ изъ самихъ частныхъ актовъ, въ протокольной части которыхъ въ это время иногда отмѣчалось званіе послуховъ и писца акта.

Обычная форма клаузулы протокола, обозначающей послуховъ, такова: «А на то послуси (хъ) [имяреки (къ)]». Въ концѣ XVII в. получаетъ преобладаніе нѣсколько иная форма, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о послухахъ; она читается такъ: «А у сей записи [иногда указывается разновидность акта] послуси (хъ) [имяреки (къ)]».

Объ формы, выраженныя во множественномъ числѣ, настолько устойчивы, что иногда сохраняются даже при одномъ послухѣ. Напримѣръ, въ мировой записи, совершенной на Ивановской площади въ 1674 г., мы читаемъ: «А на то послуси: Кузма Малышкинъ»; другихъ послуховъ нѣтъ [1]). Также въ мѣновной записи, совершенной тамъ же въ 1690 г., читаемъ: «А у сей записи послуси: Григорей Михайловъ»; далѣе слѣдуетъ другая клаузула протокола [2]). Кромѣ указаннаго уже преобладанія второй формы въ концѣ XVII в., другихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій клаузула, обозначающая послуховъ, не претерпѣла за все время существованія «площади». Только изрѣдка встрѣчается въ ней обозначеніе званія послуховъ — площадныхъ подьячихъ (званіе другихъ послуховъ указывается чаще). Въ та-

[1]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. II, № C; см. еще Сотницы, в. V, № 58, II.
[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты. в. II, № CXVIII; см. еще № CX.

комъ видѣ она читается: «А на то послуси (хъ) Ивановскіе площади подьячіе (чей) [имяреки (къ)]» [1]).

Гораздо больше измѣненій произошло въ клаузулѣ протокола, обозначающей канцелярію акта. Въ началѣ перваго періода (вт. пол. XVI в. и начало XVII в.) обычная форма ея такова: «А запись [иногда указывается разновидность акта] писалъ [имярекъ]». Только съ конца 20 годовъ XVII в., по нашимъ наблюденіямъ, начинаетъ иногда встрѣчаться нѣсколько измѣненная форма, въ которой отмѣчается принадлежность писца къ ивановской площадной организаціи: «А запись [иногда указывается разновидность акта] писалъ Ивановскіе площади подьячей [имярекъ]». Послѣдняя, однако, въ такомъ видѣ въ это время еще не вполнѣ привилась. Вѣроятно, тогда нерѣдко употреблялась клаузула, обозначающая канцелярію, въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ актѣ 1631 г.: «А данную писалъ отъ Иванна Великого площадной подьячей Наумко Ивановъ сынъ Бородинъ» [2]). Наблюдаются также уклоненія отъ обычной, особенно для позднѣйшаго времени, формы клаузулы, напримѣръ, въ актѣ 1640 г.: «А духовную писалъ Ивановской площадной подьячей Силка Казариновъ» [3]).

Окончательно эта форма установилась уже въ теченіе 40-хъ годовъ и стала обычной со времени Уложенія. Въ такомъ видѣ она сохранилась до 1686 г., когда вновь претерпѣваетъ нѣкоторое измѣненіе, связанное съ присутствіемъ на Ивановской площади стрѣльцовъ въ качествѣ площадныхъ подьячихъ. Съ 1686 г. по 1699 г. въ клаузулѣ послѣ словъ «Ивановскіе площади подьячей» встрѣчается, за рѣдкими исключеніями, которыя, можетъ быть, объясняются пропускомъ, званіе писца, изъ коего видно, что послѣдній состоитъ или простымъ стрѣльцомъ или же еще чаще младшимъ начальнымъ человѣкомъ какого-либо стрѣлецкаго полка, стоявшаго въ Москвѣ, какъ-то: десятникомъ, пятидесятникомъ, сотеннымъ, пятисотеннымъ, слободчикомъ. Напримѣръ, въ мѣновной записи 1686 г. мы читаемъ: «А запись писалъ Ивановской площади подьячей, столника и полковника стремянного Иванова полку Елисѣевича Цыклера стрѣлецъ, Евдокимко Аѳоѳріевъ». Ранѣе онъ не обозначалъ въ актахъ своего стрѣлецкаго званія [4]).

[1]) После Уложенія 1649 г. въ актахъ, которые полагалось совершать у площадныхъ подьячихъ и которые были писаны на Ивановской площади, послухами обыкновенно были площадные подьячіе этой организаціи.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. I, № LXII; см. еще А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., сс. 23, 60.

[3]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, лл 1055—57; см. еще писанную имъ въ этомъ году данную, лл. 1057—58; подписывался Силка Казариновъ и обычнымъ образомъ: «Ивановской площади подьячей», см. Описаніе собранія свитковъ, наход. въ Вологодскомъ Епарх. Древнехранилищѣ, в. VI, с. 46; подобное уклоненіе встрѣтилось также въ 1694 г., Ibid., в. VIII, сс. 72—73.

Въ 1687 г.: «А запись писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника стремяннаго Иванова полку Елисѣевича Цыклера стрѣлецъ, Кирюшка Вавиловъ» [2]). Въ 1688 г.: А купчую писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника Петрова полку Ивановича Борисова слободчикъ, Симонко Титовъ [3]). Въ 1697 г.: «А купчею писалъ Ивановскіе площади подьячей, столника и полковника Аѳонасьева полку Алексѣевича Чюбарова пятисотной, Родка Боровковъ» [4]).

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ клаузула, обозначающая канцелярію, встрѣтилась намъ въ такомъ видѣ значительно раньше, именно въ 1648 г.: «А закладную вотчинную писалъ Ивановскіе площади подьячей, стрѣлецъ Воинова приказу Глазатова, Надѣйко Ивановъ» [5]).

Въ 1699 г. вновь стала чаще встрѣчаться прежняя форма клаузулы, обозначающей канцелярію, употреблявшаяся до 1686 г., что, повидимому, находилось въ связи съ уничтоженіемъ московскихъ стрѣлецкихъ полковъ въ іюнѣ 1699 г. [6]).

Напримѣръ, въ поступной записи 1699 г. читаемъ: «А запись писалъ Ивановскіе площеди подьячей Родка Боровковъ» [7]).

[1]) Н. Селифонтовъ, Очеркъ служ. дѣят. и дом. жизни стольника и воеводы XVII ст. В. А. Даудова, СПБ., 1871 г., прил., № 37; см. здѣсь же разнообразные акты, писанные Евдокимкой Аѳоѳріевымъ въ 1683 г. №№ 16, 17, 22; 1686 г. №№ 33, 36, 37, 38; 1687 г. № 44; 1692 г. № 65; 1693 г. № 72; въ два послѣдніе года онъ пишется десятникомъ, а въ 1697 г. (№ 86) и 1699 г. (№ 88) снова стрѣльцомъ. Въ трехъ другихъ актахъ 1699 г. (№ 89; остальные два акта помѣщены у С. Шумакова, Сотницы, в. VI, № 42, V и № 44) онъ не обозначаетъ своего стрѣлецкаго званія.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 113, II; см. еще № 113, V; ср. съ закладной записью, которую въ 1685 г. писалъ «Ивановскіе площади подьячей Кирюшка Вавиловъ»; А. Ю. Б., т. II, № 126, XV.

[3]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. IV, № XIV; ср. съ ссудной записью, которую въ 1674 г. писалъ «Ивановскіе площади подьячей Симонко Титовъ», С. Шумаковъ, Тверскіе акты, в. II, № CXXXI.

[4]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. VII, № 23; ср. съ мировой записью, которую въ 1677 г. писалъ «Ивановскія площеди подьячей Родка Боровковъ», А. Ю. Б., т. II, № 155, IX.

[5]) А. Ю. Б., т. II, № 126, VII; Надѣйко Ивановъ подписывался и безъ обозначенія своего стрѣлецкаго званія, Ibid., № 155, VI.

[6]) Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, СПБ, 1858 г., т. III, сс. 243—45.

[7]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. VI, № 43, II; полкъ А. Чюбарова, въ которомъ Р. Боровковъ состоялъ пятисотеннымъ, былъ уничтоженъ еще ранѣе

Разсмотрѣніе протокольныхъ клаузулъ акта показываетъ, что онѣ даютъ нѣкоторый матеріалъ для сужденій объ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ, но преимущественно за позднѣйшую эпоху существованія площади.

Вообще надо сказать, что немного имѣется извѣстій объ институтѣ площадныхъ подьячихъ почти до конца перваго періода, несмотря на значительное распространеніе его повсюду. Такъ, въ XVI в. мы встрѣтили площадныхъ подьячихъ въ Ивангородѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Псковѣ, Твери. Въ первую четверть XVII в. къ нимъ, по нашимъ, конечно, далеко неполнымъ свѣдѣніямъ, слѣдуетъ присоединить: Алатырь [1]), Астрахань [2]), Вологду [3]), Муромъ [4]), Нижній Новгородъ [5]), Темниковъ [6]), Тюмень [7]), Устюгъ Великій [8]), Ярославль [9]). Были, конечно, они и въ другихъ городахъ.

Въ это время они представляли значительную «писчую» силу, которой московское правительство пользовалось для разныхъ своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, ихъ привлекли къ работѣ при возстановленіи дѣлъ Помѣстнаго приказа послѣ пожара 3 мая 1626 г., истребившаго большую часть бумагъ и книгъ въ томъ числѣ писцовыхъ и дозорныхъ, которыя въ немъ хранились. Въ указѣ царя и патріарха 26 мая 1626 г., касавшемся возстановленія дѣлъ, площаднымъ подьячимъ поручена была переписка приправочныхъ книгъ: «А въ которые городы посланы писцы, и нынѣ пишутъ, и къ писцомъ указали послать свои государевы грамоты и взять у нихъ писцовые и дозорные книги, и съ земляныхъ списковъ списки за дьячьими приписьми, а у писцовъ указали оставить съ тѣхъ приправочныхъ книгъ списки, за ихъ руками, а списывать тѣ книги указали въ городѣхъ подьячимъ, которые у дѣлъ, и которые пишутъ на площади, и земскимъ и церковнымъ дьячкомъ» [10]).

въ числѣ 4-хъ мятежныхъ полковъ 1698 г.; см. также примѣчаніе объ Евдокимкѣ Аноѳріевѣ.

[1]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 1352.

[2]) Труды Рязан. Уч. Арх. Ком., 1902 г., т. 17, в. II, сс. 163—66.

[3]) А. Ю. Б., т. II, № 148, XV.

[4]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 993.

[5]) С. Веселовскій, Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., сс. 81, 91, 93 и др.; повидимому, площадные подьячіе были здѣсь уже въ XVI в.

[6]) А. Ю. № 163.

[7]) Н. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собран. въ архив. и библ., СПБ., 1895 г., в. I, № XXV, с. 82.

[8]) О. П. Сениговъ, Памятники земской старины, СПБ., 1903 г., сс. 29, 30, 31, 34.

[9]) Сборникъ Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 244 об.

[10]) М. Владимирскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права,

Въ Москвѣ въ 1627 г. площадные подьячіе въ количествѣ 59 человѣкъ переписывали вмѣстѣ съ приказными подьячими въ Помѣстномъ приказѣ писцовыя и дозорныя книги «писцомъ на приправу». Свѣдѣнія объ этой работѣ, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ, извлечены Н. Н. Ардашевымъ изъ древнѣйшаго послѣ пожара 3 мая 1626 г., столбца Помѣстнаго приказа [1]).

Во главѣ участвовавшихъ въ перепискѣ площадныхъ подьячихъ упоминаются пять лицъ: Ѳетка Микифоровъ, Жданъ Григорьевъ, Бориско Ивановъ, Михалка Ѳоминъ и Ивашка Филипповъ. Четверо первыхъ извѣстны въ числѣ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Вообще можно установить, что часть переписчиковъ состояла приблизительно въ это время на Ивановской площади. Такихъ мы пока можемъ насчитать двадцать человѣкъ. Занимались площадные подьячіе перепиской въ Помѣстномъ приказѣ книгъ для писцовъ и позже, напримѣръ, въ 1645 г. [2]). Ранѣе, въ 1619 г. мы встрѣтили ихъ за подобной работой въ приказѣ Устюжской четверти [3]).

Правительство еще не вручило площаднымъ подьячимъ официально нотаріальной функціи, но фактически она, надо полагать, сосредоточивается въ ихъ рукахъ, какъ наиболѣе подготовленныхъ и опытныхъ въ письмѣ актовъ лицъ. Этому содѣйствовала все возраставшая въ XVII в. потребность въ письменныхъ актахъ, когда значительно увеличилось число сдѣлокъ, которыя требовалось совершать письменно. Такъ, въ 1635 г., вышелъ царскій указъ о томъ, чтобы договоры поклажи, займа и ссуды совершались письменно, въ противномъ случаѣ велѣно было: «въ безкабалныхъ и безкрѣпостныхъ искѣхъ... суда не давати» [4]).

Также и то обстоятельство, что писаніе весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ актовъ на вотчины рано (когда именно, точно неизвѣстно) было запрещено одной категоріи лицъ,—боярскимъ людямъ, часто писавшимъ ихъ, должно было увеличить потребность въ площадныхъ подьячихъ, главнымъ образомъ и предназначенныхъ для совершенія всякихъ актовъ. Такой взглядъ на

в. III, Кіевъ, 1907 г., Указная книга Помѣстнаго приказа, сс. 173—75. Одна изъ такихъ государевыхъ грамотъ, посланная въ 1626 г. на Бѣлоозеро, напечатана С. Веселовскимъ въ Актахъ писцоваго дѣла, т. I, № 214.

[1]) Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправ. книгъ для писцовъ 7135 г., въ Запискахъ Московскаго Археолог. Института, 1910 г., т. VII, сс. 1—32; въ столбцѣ сохранились автографы большей части подьячихъ, принимавшихъ участіе въ работѣ.

[2]) А. А. Соколова и А. К. фонъ-Меккъ, Op. cit., с. 82.

[3]) Р. И. Б., т. XXVIII, Расходная книга Устюжской чети 7127 г., с. 751.

[4]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXIV, сс. 127—29.

нихъ уже коренился въ сознаніи людей 30 годовъ XVII в., какъ это видно изъ приводившагося ранѣе судебнаго дѣла Кирилловскаго монастыря съ Б. Шереметевымъ. Все это отчасти объясняетъ замѣтное увеличеніе съ 30 и особенно 40 годовъ площадныхъ актовъ [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличиваются и наши свѣдѣнія объ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Изученіе писанныхъ ими частныхъ актовъ дало возможность составить списокъ, конечно, далеко неполный, заключающій въ себѣ 400 подьячихъ. Изъ нихъ на послѣднія 60 лѣтъ XVII в. приходится отнести около 340 человѣкъ [2]). Увеличеніе свѣдѣній объ Ивановской площади, особенно съ 40 годовъ, позволяетъ остановиться болѣе подробно на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ ея организаціи. Однако, на многіе вопросы мы не можемъ отвѣтить за недостаткомъ или же полнымъ отсутствіемъ матеріала. Такъ, намъ не извѣстно «указное число» подьячихъ, состоявшихъ на Ивановской площади. Такая предѣльная норма для каждой площадной организаціи опредѣлялась, какъ мы уже видѣли, указомъ государя. Конечно, она была весьма различна въ зависимости отъ потребностей населенія, характера организаціи, количества работы и другихъ условій. На площади у Посольскаго приказа «указное число» въ 1691 г. и ранѣе равнялось 10 человѣкамъ. На площади въ Костромѣ въ 1685—97 гг. оно было опредѣлено въ 16 человѣкъ. Это видно изъ челобитной 1696—97 гг. Ивашки Иванова, просившагося на мѣсто умершаго костромского площадного подьячаго. Въ ней онъ писалъ: «въ прошломъ, государь, въ 194 г. по твоему великого государя указу, а по челобитью костромскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и костромскихъ земского старосты и посадскихъ людей, и по грамотѣ изъ Стрѣлецкого приказу, за приписью дьяка Ивана Негоморского, велѣно быть на Костромской площади Петру Поликарпову съ товарищи указному числу 16 человѣкомъ. И въ прошломъ, государь, 204 году площадной подьячій Иванъ Петровъ умре, и то ево Иваново мѣсто нынѣ порозже... вели, государь, мнѣ быть на Костромской площади на мѣстѣ умершаго подьячаго Ивана Петрова въ подьячихъ въ указномъ числѣ, и всякіе крѣпости писать и въ уѣздъ для всякихъ дѣлъ ѣздить»... [3])

[1]) Въ 1636—39 гг. на Ивановской площади Строгановы совершили нѣсколько актовъ въ томъ числѣ весьма важную запись о выкупѣ городка Орлова и Очерскаго острожка. Писцомъ и послухами актовъ являлись площадные подьячіе, что, однако, было отмѣчено въ протокольной части только одного акта; см. Д. А. И., т. II, № 56, сс. 135—44.

[2]) Списокъ готовится къ печати.

[3]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 142.

Конечно, «указное число» строго наблюдалось площадной организаціей, такъ какъ въ интересахъ послѣдней было ограниченіе числа своихъ членовъ. Поэтому поступленіе на «площадь» обыкновенно возможно было только на «выбылое мѣсто», освободившееся за смертью или совершеннымъ уходомъ подьячаго. Временное оставленіе «площади» «для государской службы» не дѣлало мѣста вакантнымъ. Нарушеніе такого порядка вызывало протестъ всей организаціи, какъ это случилось въ 1691 г. на площади у Посольскаго приказа. Однако, несмотря на это, на ней сверхъ указнаго числа было четыре человѣка «лишнихъ». Конечно, такіе «лишніе» могли быть и на Ивановской площади. Вслѣдствіе этого весьма затруднительно намѣтить, хотя бы приблизительно «указное число» на послѣдней, пользуясь спискомъ, къ тому же еще далеко неполнымъ. На основаніи его мы можемъ получить только нѣкоторое представленіе о количествѣ подьячихъ, состоявшихъ на Ивановской площади во второй періодъ ея существованія. Число встрѣченныхъ нами ивановскихъ площадныхъ подьячихъ весьма колеблется, но въ общемъ въ 1649—83 годы не превышаетъ 30 человѣкъ въ годъ; съ 1684 г. оно значительно увеличивается, часто доходитъ до 40 человѣкъ, а въ нѣкоторые годы даже превышаетъ послѣднюю цифру. Пока невозможно рѣшить, является ли это слѣдствіемъ увеличенія состава подьячихъ, или же объясняется случайностью, именно—большимъ количествомъ напечатаннаго актоваго матеріала за послѣднія десятилѣтія XVII в.

Среда, изъ которой происходили ивановскіе площадные подьячіе, выясняется при разсмотрѣніи вообще вопроса о происхожденіи площадныхъ подьячихъ. Въ этомъ отношеніи цѣнные выводы даетъ статья Н. Оглоблина, изслѣдовавшаго происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ въ XVII в. На вопросъ, откуда происходили наши дьяки и подьячіе въ XVI в., можно отвѣтить извѣстными словами князя Курбскаго: «Писари жъ наши Русскіе имъже князь великіи зело вѣритъ,—а избираетъ ихъ не отъ шляхетского роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичовъ или отъ простаго всенародства...» [1]).

Разумѣется, эти слова относились кн. Курбскимъ къ высшимъ слоямъ сословія,—дьякамъ и ихъ ближайшимъ сотрудникамъ, подьячимъ. Но если послѣдніе происходили не «отъ шляхетского роду,

[1]) Р. И. Б., т. XXXI, Сочиненія кн. Курбскаго, т. I, Исторія о великомъ кн. Московскомъ, с. 221; Н. Оглоблинъ также ссылается на эти слова, въ толкованіи которыхъ расходится съ Лихачевымъ (Разрядные дьяки XVI в., Спб., 1888 г., с. 135 и дал., 549); см. Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 121.

ни отъ благородна», а больше изъ дѣтей духовенства и «простаго всенародства», то низшій слой, каковой составляли площадные подьячіе, главнымъ образомъ и могъ пополняться изъ такой среды. Дѣти духовенства были людьми наиболѣе грамотными въ то время. Изъ нихъ и выходили «писари» всякаго рода. Но когда ихъ не хватало, брали «писарей» изъ «простаго всенародства», лишь бы они знали письмо и годились для своей роли. Дѣйствительно, нѣкоторые извѣстные намъ площадные подьячіе новгородскіе XVI в. были людьми тяглыми [1]). Встрѣчались иногда на «площади» въ XVI в, какъ увидимъ далѣе, и служилые люди.

Въ XVII в. составъ площадныхъ подьячихъ также весьма разнообразенъ. Однако, вопросъ о средѣ, изъ которой могли они выходить, нѣсколько осложняется. Приходится считаться съ общей тенденціей сословной политики правительства, которое стремилось прикрѣпить всѣхъ къ опредѣленному сословію — служилому или тяглому и удержать въ немъ. Конечно, старалось оно не допускать служилыхъ и тяглыхъ людей и ихъ дѣтей уходить отъ службы или тягла въ подьяческое сословіе. Въ этомъ ему помогало и общество. Такъ, въ 1680 г. касимовскій посадскій міръ требовалъ судомъ возвращенія въ посадъ нѣсколькихъ лицъ, состоявшихъ площадными подьячими, на томъ основаніи, что они происходили изъ посадскихъ [2]).

Правда, были весьма многочисленныя исключенія, объяснявшіяся нуждой въ подьячихъ, но меньше всего они могли быть въ Москвѣ, особенно на Ивановской площади, въ виду сравнительной выгодности службы въ этой организаціи. Указанное направленіе въ сословной политикѣ правительства проводилось по данному вопросу и въ законодательствѣ, при чемъ, какъ увидимъ далѣе, различія между приказными и площадными подьячими въ вопросѣ о происхожденіи, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVII в., не дѣлали. Первый изъ извѣстныхъ намъ указовъ данъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ 7 декабря 1640 года. Имъ предписывалось: «во всѣ Приказы послать памяти, чтобъ поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, и гостиныя и суконныя сотенъ торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей, и ихъ дѣтей, въ подьячіе не принимали» [3]).

Указъ вызываетъ удивленіе своей первой частью, въ которой запрещено было принимать въ подьячіе «поповыхъ и дьяконовыхъ

[1]) В. В Майковъ, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., въ Лѣт. занятій Археогр. Ком. за 1911 г., в. 24, сс. 56, 111, 174, 230.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXXV.

[3]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXIX, с. 131.

дѣтей», что противорѣчило установившейся практикѣ и послѣдующему законодательству. Въ дальнѣйшемъ мы находимъ подтвержденіе только второй его части. Извѣстны также два указа относительно приказныхъ подьячихъ. Первый указъ, изданный 23 августа 1657 г. по частному случаю, подтверждалъ запрещеніе брать въ приказные подьячіе дѣтей служилыхъ и тяглыхъ людей. Онъ касался выбора всѣмъ городомъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ трехъ подьячихъ въ приказную избу, «которыхъ съ Государево дѣло впредь будетъ, и которые всему городу любы, и у которыхъ отцы не въ козачьѣ, не въ стрѣлецкой и не въ пушкарской службѣ, и не въ затинщикахъ, и не въ казенныхъ сторожахъ, и не въ тяглыхъ людѣхъ...» [1]). Второй указъ вышелъ 8 февраля 1664 г. Онъ устранялъ всѣхъ «розпоповъ и роздьяконовъ, которые нынѣ въ Москвѣ по приказомъ въ подьячихъ» отъ службы и запрещалъ впредь такимъ людямъ быть въ подьячихъ и у иныхъ дѣлъ «въ приказныхъ людѣхъ» [2]).

Наиболѣе полно были опредѣлены слои, изъ которыхъ могли выходить приказные и площадные подьячіе, въ наказахъ, данныхъ въ 1700 г. «Бѣлгородцкого полку въ городы розборщикомъ». Послѣднимъ предписывалось: приказныхъ избъ у подьячихъ брать скаски съ подкрѣпленіемъ, и буде по скаскамъ и по розыску и по приказной справкѣ которые подьячіе явятца, что отцы ихъ въ службѣ и и въ тяглѣ не написаны, и они изъ подьяческихъ и изъ поповыхъ и изъ церковнаго чину людей дѣти, и тѣмъ въ тѣхъ городахъ въ приказныхъ избахъ въ подьячихъ и на площади для письма дьячкомъ быть по прежнему великого государя указу и по грамотамъ изъ Розряду. А которые по ихъ скаскамъ и по розыску и по справкѣ съ приказными избами явятца, что отцы ихъ были въ полковыхъ и городовыхъ службахъ — въ копейщикахъ, и въ рейтарахъ, и въ солдатахъ, и въ драгунахъ, и въ городовой, и въ стрѣлецкой, или въ иной какой службѣ, и въ тяглѣ—и тѣхъ всѣхъ подьячихъ отставить и написать ихъ въ тѣ чины и службы, въ какихъ чинѣхъ отцы ихъ были и служили, и нынѣ служатъ...» [3]).

Такимъ образомъ, въ площадные подьячіе имѣли право вступать дѣти подьячихъ, поповъ и церковнаго причта; дѣтямъ же всякихъ служилыхъ и тяглыхъ людей, равно какъ и имъ самимъ, это было запрещено.

Несмотря на установленное правительствомъ запрещеніе слу-

[1]) П. С. З., т. I, № 213.

[2]) П. С. З., т. I, № 369.

[3]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 131.

жилымъ и тяглымъ людямъ вступать въ подьячіе, въ это сословіе постоянно проникали «разными законными и незаконными путями», по выраженію Н. Оглоблина, [1]) люди изъ всѣхъ классовъ населенія Московской Руси. Одной изъ причинъ такого явленія, несомнѣнно, былъ недостатокъ въ подьячихъ, который приходилось иногда пополнять отовсюду. Въ отношеніи площадныхъ подьячихъ довольно часто прибѣгали къ такому компромиссному разрѣшенію вопроса: на «площадь» допускались «кормиться перомъ» всякіе служилые и тяглые люди, которые, однако, оставались въ своемъ прежнемъ званіи и не освобождались отъ службы или тягла. Этимъ также достигалась другая цѣль,—давалась возможность заработать «площаднымъ письмомъ» «оскудалымъ» въ большинствѣ случаевъ людямъ. Такъ, въ 1683 г. въ Псковѣ въ числѣ «площадныхъ дьячковъ», работавшихъ «на площади для прокормленія», мы встрѣтили: шесть пушкарей, которые въ то же время получали свое «пушкарское жалованье» по 3 рубля въ годъ, трехъ посадскихъ людей и одного церковнаго дьячка; имъ никакого жалованья не полагалось; наконецъ, тамъ были площадные подьячіе, «которые ни въ которыхъ чинѣхъ, 5 человѣкъ, а великихъ государей денежного жалованья имъ годового нѣтъ» [2]).

Въ 1668 г. на Вологодскую площадь просились двое посадскихъ; въ своей челобитной они писали: «Мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди; вели, государь, намъ кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобъ намъ впредь твоихъ податей и службъ не отбыть и вконецъ не погибнуть». Имъ это было разрѣшено подъ двумя условіями: «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми» [3]). Такіе площадные подьячіе изъ посадскихъ людей встрѣчаются довольно часто и въ другихъ мѣстахъ [4]).

Наконецъ, извѣстенъ случай, когда въ 1681—82 гг. въ Красно-

[1]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., октябрь, с. 235.

[2]) Д. А. И., т. X, № 96.

[3]) С. М. Соловьевъ, Op. cit., кн. III, с. 705.

[4]) С. Веселовскій. Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., сс. 8, 91, 93, 239 и др.; Р. И. Б., т. XVII, Писцовая книга 1621 — 1622 годовъ по Нижнему Новгороду, сс. 45, 83, 106, 115, 152, 153 и др.; Акты Москов. Государства, издан. Императ. Академіей Наукъ. СПБ., 1890 г., т. I, № 221 (въ Суздалѣ въ 1629 г.); Д. А. И., т. IX, № 29 (росписной списокъ гор. Галича 1678 г.).

польской слободѣ Верхотурскаго уѣзда было велѣно «писать всякіе Государевы дѣла площадные и мирскіе Краснопольскому оброчному крестьянину Овонкѣ Бердникову» [1]).

Изъ служилыхъ людей особенно часто поступали на площадь стрѣльцы. Такъ, еще въ 1593 г. и позже въ Ивангородѣ работалъ «площадной подьячей Васка Феоѳановъ», который состоялъ стрѣлецкимъ десятникомъ [2]). Въ 1638 г. въ Тулѣ два стрѣльца подали челобитье о разрѣшеніи имъ «кормиться перишкомъ» на площади [3]). Во второй половинѣ XVII в. мы встрѣчаемъ стрѣльцовъ въ значительномъ количествѣ на многихъ «площадяхъ» въ томъ числѣ и на Ивановской. Когда они впервые появились на послѣдней, у насъ свѣдѣній нѣтъ. Одного изъ нихъ—Надѣйку Иванова мы встрѣтили на ней уже въ 1647—48 гг. Повидимому, были тогда и другіе стрѣльцы на этой «площади». Особенно много наблюдается стрѣльцовъ на Ивановской площади въ послѣднія десятилѣтія XVII в. Въ связи съ пребываніемъ на ней стрѣльцовъ произошло въ 1686 г., какъ уже было отмѣчено, нѣкоторое измѣненіе формы клаузулы, обозначающей канцелярію акта.

Площадные подьячіе составляли низшій слой подьяческаго сословія. Н. Оглоблинъ считаетъ ихъ полуслужилыми людьми. Въ смѣтныхъ и росписныхъ спискахъ свѣдѣнія о нихъ помѣщались обыкновенно вслѣдъ за свѣдѣніями о приказныхъ подьячихъ. Въ челобитныхъ они именовали себя холопами и писались полуимянемъ, напримѣръ: «Царю, Государю и великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, Ивановскіе Площади подьячишко, Куземко Дмитріевъ... [4]).

Лица, происходившія изъ тяглаго сословія, которымъ удавалось перейти въ площадные подьячіе, избавлялись отъ тягла. Такъ, въ 1680 г. представитель касимовскаго посадскаго міра жаловался на своихъ приказнаго и площадныхъ подьячихъ, сыновей и внуковъ

[1]) А. И., т. V, № 92.

[2]) Р. И. Б., т. XVII, Записная книга крѣп. актамъ XV—XVI вв., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, ср. №№ 158, 159, 160, 162, 310, 311; В. Феоѳановъ называлъ себя также «площаднымъ пищикомъ». Повидимому, работали здѣсь же на «площади» и его сотоварищи, см. указанные акты.

[3]) Описаніе докум. и бумагъ, хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 18, стб. 107, I, с. 126.

[4]) Русская Мысль, 1885 г., ноябрь, смѣсь, с. 207; см. также Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141; впрочемъ, въ одной челобитной 1686 г. 2 кунгурскихъ площадныхъ подьячихъ, вѣроятно, изъ тяглыхъ людей, именовали себя «сиротами»; см. Кунгурскіе акты XVII в., № 39.

посадскаго человѣка, состоявшаго въ Касимовѣ около 40 лѣтъ «у холопьихъ дѣлъ и въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ», что они съ міромъ тягла не платятъ, «живутъ безданно». По рѣшенію суда они были окончательно освобождены «отъ посаду» и оставлены «въ прежнихъ чинѣхъ въ подьячихъ» [1]).

Конечно, въ иномъ положеніи находились тяглые люди, которые иногда припускались на площадь «кормиться перомъ» вслѣдствіе «оскудалости» или другихъ причинъ, но оставались въ прежнемъ своемъ состояніи. Такъ, упоминавшіеся уже вологодскіе площадные подьячіе должны были тянуть тягло съ посадскими людьми. Служилые же люди, какъ напримѣръ, стрѣльцы, работавшіе на «площади» для прокормленія, продолжали нести свою службу. для чего имъ иногда приходилось временно оставлять «площадь».

Н. Оглоблинъ указываетъ, что площадные подьячіе не получали никакого опредѣленнаго «государева жалованья» [2]). Повидимому, они и не могли получать его за письмо на «площади» частноправовыхъ актовъ. За совершеніе послѣднихъ площадные подьячіе брали съ лицъ, обращавшихся къ ихъ услугамъ, плату, называвшуюся иногда—«писчее», «могарычъ» [3]).

Служилые же люди, напримѣръ, псковскіе пушкари, работавшіе на «площади для прокормленія», продолжали получать свое «пушкарское жалованье» по 3 рубля въ годъ. Повидимому, получали свое стрѣлецкое жалованье и площадные подьячіе изъ стрѣльцовъ, работавшіе въ Москвѣ на Ивановской и другихъ площадяхъ [4]).

Намъ кажется, что работа на «площади», особенно въ такой организаціи, какъ Ивановская площадь, была выгодна. Вѣроятно, это обстоятельство содѣйствовало тому, что «площадное письмо» становилось иногда наслѣдственнымъ занятіемъ. Такъ, среди ивановскихъ площадныхъ подьячихъ мы встрѣтили значительное количество однофамильцевъ. Конечно, многіе изъ нихъ, кромѣ фа-

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXXV.

[2]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141.

[3]) Д. А. И., т. XII, № 62; однако, площадные подьячіе часто выполняли разныя правительственныя порученія, работали въ приказныхъ избахъ и другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, за что, конечно, могли вознаграждаться различнымъ образомъ, см. П. С. З., т. IV, № 1836, п. 13.

[4]) Какъ мы видѣли, обычнымъ мотивомъ для допущенія на площадь служилыхъ и тяглыхъ людей выставлялась ихъ «скудость». Однако, въ скудости стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Москвѣ, можно сомнѣваться. Котошихинъ сообщаетъ, что московскихъ приказовъ стрѣльцы были «люді торговые и ремесленые всякие богатые многие» и указываетъ довольно значительные размѣры ихъ жалованья, которое они получали деньгами и натурой; Г. Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, СПБ., 1906 г., с. 90.

миліи, не имѣли ничего общаго между собой. Однако, на ней было немало родственниковъ, работавшихъ одновременно и преемственно. Такъ, напримѣръ, на Ивановской площади въ 20—40 годы XVII в. работали трое Казариновыхъ, бывшихъ, по всей вѣроятности, близкими родственниками,—Артемій Ермолинъ с., Сила Ермолаевъ с. и Ивашко Артемьевъ с. Въ 1645 г. на площадь поступилъ Кузьма Дмитріевъ с. Бѣлозеръ, и на ней же мы встрѣтили Дмитрея Бѣлозерова. Во вторую половину XVII в. среди ивановскихъ площадныхъ подьячихъ встрѣчается нѣсколько Боровковыхъ, Васильевыхъ, Глаткихъ, Григорьевыхъ, Замощиковыхъ, Мелновыхъ, Ѳеоктистовыхъ и др.

Нерѣдки случаи продолжительнаго пребыванія подьячихъ на Ивановской площади, что, быть можетъ, отчасти также объясняется выгодностью работы на ней. По нашимъ далеко неполнымъ свѣдѣніямъ, многіе подьячіе работали на ней болѣе 20—25 лѣтъ, напримѣръ, Алексѣевъ Яковъ, Боровковъ Родка, Меншово Обросимко, Ѳеоктистовъ Михайло и др.

Площадные подьячіе не только занимались совершеніемъ актовъ на площади, при чемъ имъ иногда поручалось «довершить» неоконченные акты [1]). Это была ихъ главная, но не единственная работа. Они производили также экспертизу документовъ. О томъ, что она лежала на обязанности площадныхъ подьячихъ, извѣстно изъ позднѣйшаго указа 9 декабря 1699 г., которымъ экспертиза крѣпостей, предъявлявшихся въ Помѣстномъ приказѣ, отнималась отъ нихъ и передавалась приказнымъ дьякамъ и подьячимъ. Указъ предписывалъ: крѣпости, которыя «въ спорномъ челобитьѣ учнутъ писать... составными и воровскими и руки у тѣхъ крѣпостей лживятъ: и про такія крѣпости розыскивать и руки свидѣтельствовать Дьяками и подьячими, которые сидятъ въ приказѣхъ, а не площадными подьячими противъ того, какъ по Уложенью и новоуказнымъ статьямъ велѣно розыскивать по спорному челобитью про купчія и про закладныя и про записи... [2]).

Кромѣ того, площадные подьячіе вели иногда челобитчиковы дѣла, а также исполняли всякія иныя порученія: работаютъ тѣ площадные подьячіе «наши всякіе дѣла съ площади у сыщиковъ и у всякихъ дѣлъ», говорится въ дѣлѣ касимовскихъ подьячихъ. Они ѣздили съ дозорщиками и писцами, какъ напримѣръ, ивановскій площадной подьячій Аѳонасій Бѣловъ, который уѣхалъ въ 1643—44 гг. съ писцомъ въ Шацкій уѣздъ, писали у сотскихъ, разборщиковъ, полковыхъ воеводъ, посылались на отказы, допросы, ловить разбой-

[1]) П. С. З., т. III, № 1447.

[2]) П. С. З., т. III, № 1732.

никовъ, брать поруки, сопровождать государевъ хлѣбъ и участвовали во всякихъ другихъ государевыхъ посылкахъ. Ихъ въ случаѣ нужды привлекали, какъ мы видѣли, переписывать писцовыя и дозорныя книги. Они замѣщали подьячихъ приказовъ и воеводскихъ учрежденій и являлись главными кандидатами на эти мѣста. Н. Оглоблинъ справедливо указываетъ, что «площадь» надо признать главнымъ разсадникомъ провинціальнаго подьячества, его первоначальной школой [1]). Достиженіемъ мѣста подьячаго въ приказѣ, въ приказной или съѣзжей избѣ обыкновенно заканчивалась карьера площадного подьячаго. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ достигали высшаго положенія. Въ своихъ запискахъ Желябужскій сообщаетъ, что въ 1695 г. въ Холопьемъ приказѣ сидѣлъ окольничій Ѳедоръ Тихоновичъ Зыковъ, который прежде былъ площаднымъ подьячимъ Разряда: «сидѣлъ въ разрядныхъ сѣняхъ»; «записки ево руки» имѣлись у многихъ людей [2]).

Мало извѣстно указовъ, характеризующихъ положеніе подьяческаго сословія въ Москвѣ, которые касались бы и интересующаго насъ слоя подьячихъ. Въ 1635 г. 17 октября иноземцамъ, подьячимъ и «инымъ всякихъ чиновъ мѣлкимъ людемъ» запрещено было пріобрѣтать дворы въ Китай-городѣ [3]).

Въ 1654 г. 9 января былъ изданъ указъ, предоставлявшій право въѣзжать въ Кремль только нѣкоторымъ старымъ подьячимъ; остальнымъ «меньшихъ чиновъ людемъ» полагалось ходить въ Кремль до приказовъ пѣшкомъ [4]).

Конечно, это распоряженіе относилось и къ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ, которые производили свою работу въ самомъ центрѣ Кремля.

Контора ихъ помѣщалась вблизи приказовъ «на площади у Ивана Великаго» въ зданіи, носившемъ названіе «палатки Ивановской площади» или просто «Ивановской палатки». Какъ извѣстно, площадь въ городахъ Московскаго государства играла значительную роль. Она была центромъ всей городской жизни, самымъ многолюднымъ и оживленнымъ мѣстомъ. На ней обыкновенно находились правительственныя учрежденія, иногда около нихъ стояли площадные подьячіе въ ожиданіи работы. Въ нѣкоторыхъ городахъ устраивались особыя «писчія избы» въ которыхъ совершали акты тогдашніе нотаріусы [5]).

[1]) Н. Оглоблинъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 141.

[2]) Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, с. 48.

[3]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XXV, с. 129.

[4]) П. С. З., т. I, № 116.

[5]) Напримѣръ, въ Вологдѣ, см. приведенную въ текстѣ челобитную

Большое значеніе пріобрѣла въ Москвѣ, особенно во второй половинѣ XVII в., Ивановская площадь. По словамъ И. Забѣлина, «на ней сосредоточивалась благодаря новопостроеннымъ Приказамъ судейская, дьяческая и подьяческая приказная служба для всего государства, привлекавшая къ дѣламъ множество всякаго народа... Отъ Приказовъ выдвигались на площадь семь длинныхъ каменныхъ лѣстницъ къ верхнимъ ярусамъ Приказовъ. У этихъ лѣстницъ и толпились челобитчики въ ожиданіи прихода дьяковъ, подьячихъ или и самого судьи» [1]).

На площади обучались военному дѣлу, возглашались «кличи», производились наказанія. Такъ, въ 1694 г. нѣкто Григорій Языковъ своровалъ съ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ Яковомъ Алексѣевымъ: «въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ»; за это подьячему было учинено наказаніе: «битъ батоги на Ивановской площади и отъ площади отставленъ», несмотря на свою долговременную службу [2]).

Какъ видно, мѣсто для Ивановской палатки было выбрано весьма удачно. Въ ней, повидимому, не только совершались акты, но и хранились дѣлопроизводство «площади», а также «указныя памяти и записныя книги», которыя полагалось имѣть старостѣ площадныхъ подьячихъ [3]). Сюда обыкновенно являлись лица, ну-

двухъ вологодскихъ посадскихъ; Суздалѣ, Акты Москов. Государства, изд. Императ. Академіей Наукъ, т. I, № 221; Орлѣ, Описаніе докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 17, стб. 2368, I; Галичѣ, Д. А. И., т. IX, № 29; см. размѣры «избы пищей площадныхъ дьячковъ» въ Юрьевцѣ Поволжскомъ: «длиннику полтретьи сажени, поперечнику двѣ сажени», Н. Виноградовъ, Писцовая и межевая книга по гор. Юрьевцу Поволжскому и Стрѣлец. слоб. 1676 г., въ Костромской Стар., 1912 г., в. VII, с. 97.

[1]) И. Забѣлинъ, Исторія гор. Москвы, II изд., ч. I, с. 312.

[2]) Записки Желябужскаго, изд. Д. Языкова, с. 27; иногда подъячіе поступали осмотрительнѣе и содѣйствовали раскрытію «воровства» съ письмомъ актовъ, см. П. С. З., т. III, № 1387.

[3]) А. И., т. V, № 149; существованіе на «площади» записныхъ книгъ является весьма важнымъ фактомъ; въ книги, вѣроятно, записывались акты, совершенные на «площади». Ср. съ записными книгами, которыя велѣно было завести въ Помѣстномъ приказѣ указомъ 9 декабря 1699 г., передававшимъ письмо крѣпостей приказнымъ подьячимъ. Въ указѣ говорилось: «а сколько въ которомъ числѣ и въ какихъ дѣлахъ какія крѣпости писаны, и тому въ Помѣстномъ приказѣ учинить особыя записныя книги за Дьячьими руками, и въ тѣхъ книгахъ описывать именно, кто и съ кѣмъ сдѣлку учинилъ, и къ тѣмъ записнымъ книгамъ, кто крѣпость далъ, и кто взялъ, велѣть руки прикладывать, а какъ къ той запискѣ руки приложатъ, и тѣ крѣпости, отдавъ тому, кому надлежитъ, сказать его Государевъ указъ и Боярской приговоръ, чтобъ они тѣ крѣпости приносили къ запискѣ по приказной обыкности, которыя будутъ писаны на Москвѣ, въ 2 мѣсяца...» П. С. З., т. III, № 1732.

ждавшіяся въ совершеніи актовъ. О томъ, какъ производилась работа, извѣстно очень мало. Актъ писался сперва начерно, потомъ переписывался, тогда же его и «послушали», какъ это видно изъ одного дѣла 1699 г. [1]).

Наблюденіе надъ актами даетъ возможность предполагать существованіе образцовыхъ формуляровъ, которыми руководствовались въ своей работѣ площадные подьячіе. Конечно, они могли имѣть частное происхожденіе и вырабатываться на самой «площади». Извѣстно также разсылавшееся въ 1680 г. правительствомъ «образцовое письмо» для составленія служилыхъ кабалъ, которому съ этого времени слѣдовали писцы этихъ актовъ въ томъ числѣ и ивановскіе площадные подьячіе [2]).

Въ подьячіе Ивановской площади кандидаты принимались правительственной властью при нѣкоторомъ участіи площадной организаціи. Обыкновенно кандидатъ подавалъ челобитную на имя государя. Такъ, въ 1644 г. подалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную Куземко Дмитріевъ, въ которой онъ, холопъ государевъ, «Ивановскіе площади подьячишко», вѣроятно, не входившій въ указное число, просилъ: «пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, мнѣ на Ивановской площади писать крѣпости на Афонкино мѣсто Бѣлово, а тотъ Аѳонасей съ Москвы съѣхалъ съ писцы въ письмо...» Челобитная была принята и на ней было помѣчено: «153 года Октябрь въ 30 день выписать и старостъ допросить, есть ли выбылое мѣсто» [3]).

По обычной московской волокитѣ дѣло затянулось; только черезъ восемь мѣсяцевъ, 17 іюля 1645 г., въ приказъ на Казенный дворъ были вызваны «Ивановскія площади подьячихъ старосты» Власъ Перфильевъ и Демидъ Холмовъ для дачи свѣдѣній. Оба они, ставъ передъ казначеемъ Богданомъ Миничемъ Дубровскимъ и дьяками Григорьемъ Понкратьевымъ да Олмазомъ Ивановымъ, относительно подьячаго Ивановскія площади Аѳонасія Бѣлова сказали: «онъ съ Москвы съѣхалъ и пишетъ съ писцомъ въ Шацкомъ уѣздѣ другой годъ. А на его мѣсто билъ челомъ писать на площади Кузма Дмитріевъ, и онъ человѣкъ добрый, а воровства мы за нимъ прежъ сего никакова ни въ чемъ не смечали и не знаемъ...» Это они подтвердили письменно, при чемъ «скаску» писалъ Власъ Перфильевъ и подписалъ Демидъ Холмовъ [4]).

[1]) С. Шумаковъ, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, сс. 428—29.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Op. cit., въ Сборникѣ, посв. В. О. Ключевскому, сс. 758—63.

[3]) «Русская Мысль», 1885 г., кн. XI. смѣсь, с. 207.

[4]) Ibid., с. 208.

По тогдашнимъ порядкамъ поступавшій на службу обязанъ былъ представить по себѣ поручную запись, безъ которой его не принимали. Порука по Куземкѣ Дмитріевѣ была дана его товарищами по «площади». Въ поручной, написанной почти черезъ мѣсяцъ послѣ подачи челобитной просителемъ, а именно 29 ноября 1644 г., подьячіе Ивановской площади,—Степанъ Григорьевъ сынъ Луковъ, Сила Ермолаевъ сынъ Казариновъ, Иванъ Ивановъ сынъ Кольцовъ, Борисъ Ивановъ и другіе (къ сожалѣнію, не извѣстно сколько и кто именно, такъ какъ актъ напечатанъ съ пропускомъ) ручались передъ приставомъ приказа Казеннаго двора Иваномъ Черновинымъ по площадномъ же подьячемъ Куземкѣ Дмитріевѣ Бѣлозерѣ въ слѣдующемъ: «писати ему Куземке за нашею порукою на площади у Ивана Великаго записи и кабалы заемныя и вотчинныя и всякія крѣпости, и будучи ему Куземке за нашею порукою на площади, въ площадномъ письмѣ никакимъ воровствомъ не воровать и записей воровскихъ и никакихъ крѣпостей за очи не имать и рукъ ни чьихъ не подписывать и ни какимъ воровскимъ письмомъ не воровать, а которые Московскіе всякихъ чиновъ люди грамотѣ не умѣютъ и въ тѣхъ мѣсто къ крепостемъ велѣть руки прикладывать Московскимъ людемъ, кому они вѣрятъ, а пріѣзжимъ городовымъ никакимъ людемъ вмѣсто Московскихъ людей рукъ прикладывать не велѣть, а велѣть прикладывать руки отцамъ ихъ духовнымъ, а будетъ съ отцомъ духовнымъ вражда или близко нѣтъ и вмѣсто велѣть прикладывать руки роду ихъ и племени ближнимъ или кто кому вѣритъ, и вмѣсто городовыхъ всѣхъ чиновъ людей велѣть прикладывать роду ихъ и племени городовымъ же людемъ или московскимъ, кому они вѣрятъ, а будетъ онъ Куземка, будучи на площади за нашею порукою учнетъ какія воровскія крѣпости писать, или у какой-нибудь крѣпости чью руку подпишетъ, или въ площадномъ письмѣ учнетъ какимъ воровствомъ воровати, и на насъ на поручикахъ пеня Государя, Царя, великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, а пеню что Государь укажетъ, а кой изъ насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ Государева пеня и порука» [1]).

Послухомъ этой любопытной поручной былъ одинъ изъ старостъ подьячихъ Демидъ Холмовъ, писалъ ее Куземко Дмитріевъ «самъ на себя и на поручиковъ своихъ своею рукою». Такимъ образомъ, въ поручной записи опредѣленъ кругъ дѣлъ, предоставленныхъ ивановскимъ площаднымъ подьячимъ: они имѣли право писать «всякія крѣпости»; въ ней также подробно изложена ин-

[1]) Ibid., сс. 207—208.

струкція о подписываніи актовъ лицами обязывавшимися по нимъ, представлявшая дальнѣйшее развитіе указа 1628 г. по этому вопросу [1]).

Куземка Дмитріевъ былъ принятъ на Ивановскую площадь, но какъ это произошло, свѣдѣній нѣтъ. Возможенъ былъ еще другой способъ вступленія въ площадную организацію: подьячій, состоявшій на «площади», могъ поступиться своимъ мѣстомъ другому лицу, какъ это видно изъ челобитной площадныхъ подьячихъ Посольскаго приказа.

Приведенные документы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на организацію подьячихъ Ивановской площади. Во главѣ ея въ 40 годы XVII в. и позже мы встрѣчаемъ двухъ старостъ. О болѣе ранней эпохѣ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Во главѣ другихъ площадныхъ организацій, извѣстныхъ намъ, стояло обыкновенно одно лицо. Въ 1645 г. старостами ивановскихъ площадныхъ подьячихъ были Власъ Перфильевъ и Демидъ Холмовъ, которые, какъ было уже указано, призывались въ приказъ на Казенный дворъ для дачи «скаски». Оба они, повидимому, происходили изъ площадныхъ подьячихъ и выполняли ту же самую работу, что и рядовые члены «площади». Такъ, Демидъ Холмовъ былъ послухомъ поручной по Куземкѣ Дмитріевѣ и двухъ другихъ актовъ 1640 г. Власъ Перфильевъ въ 1643 г. также былъ послухомъ одного акта. Кромѣ того, сохранилась оброчная запись 1646 г., которую писалъ «Ивановския площади подячеи Власко Перфилев», наименовавшій ее поручной записью [2]).

Въ 1690 г. мы также встрѣчаемъ на Ивановской площади двухъ старостъ. Въ это время старостами были Семенъ Козминъ и Андрей Ивановъ. Первый изъ нихъ въ 1683 г. писалъ на Ивановской площади служилую кабалу, въ которой именовалъ себя: «Ивановскія площади подьячей Сенка Козминъ» [3]). Онъ же былъ въ числѣ послуховъ одной купчей 1694 г.

Староста принималъ также участіе въ другой работѣ, которую, вѣроятно, часто приходилось выполнять ивановскимъ площаднымъ подьячимъ, именно въ экспертизѣ документовъ. Такъ, когда въ 1686 г. въ Помѣстномъ приказѣ потребовались эксперты «для свидѣтельства писма Елисѣя Синявина», было велѣно послать въ Стрѣлецкій приказъ, въ вѣдѣніи котораго тогда находилась Ивановская площадь, память съ предписаніемъ прислать въ Помѣстный

[1]) М. Владимирскій-Будановъ, Op. cit., Указная книга Земскаго приказа, XIII, 7, с. 120.
[2]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. V, № 26.
[3]) А. Ю. Б., т. II, № 127, XII.

приказъ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ. Послѣдніе туда явились во главѣ со своимъ старостой Гаврилой Пошехоновымъ и дали слѣдующую сказку: «194-г іюня въ 26 день въ Помѣсномъ приказѣ передъ князь Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ Ивановскіе площеди подьячіе староста Гаврила Пошехоновъ съ товарыщи сказали, смотря въ дѣлѣ у скаски руки имянемъ Елисѣя Синявина 159-г году да на челобитной руки жъ имянемъ ево жъ Елисѣя Синявина 161-г году ноября 2-го числа: и тѣ вышеписанные руки у скаски и на челобитной имянемъ Елисѣя Синявина пописью и словами сходно. А скаску писалъ и писма смотрилъ тое жъ Ивановскіе площеди подъячей Аксенко Ѳеоктистовъ» [1]).

О правахъ и обязанностяхъ старостъ ивановскихъ площадныхъ подьячихъ непосредственно извѣстно немного. Свѣдѣнія объ этой должности косвенно можно дополнить тѣми данными, какія мы находимъ въ наказной памяти головы астраханскихъ конныхъ стрѣльцовъ Иванова приказу Мартьянова слободчику Ивану Новогородову, назначенному въ 1687 г. старостою площадныхъ подьячихъ въ Астрахани. Она также содержитъ свѣдѣнія о характерѣ работы въ нотаріальной конторѣ того времени. Староста выбирался площадной организаціей. Однако, необходимо было утвержденіе выбора соотвѣтствующей правительственной властью, которой была подчинена площадная организація. Послѣдняя могла также ходатайствовать о смѣщеніи своего старосты. Для этого отъ имени всей организаціи подавалась челобитная и указывался новый кандидатъ. Такъ, въ 1686 г. астраханскіе площадные подьячіе подали обоимъ царямъ и царевнѣ Софіи челобитную, въ которой просили назначить имъ старостою, вмѣсто состарившагося Оски Долгова, слободчика Ивана Новогородова. Просьба ихъ была удовлетворена. Въ памяти о назначеніи послѣдняго говорится: «били челомъ В. Г. Ц. и В. К. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и В. Г... Софіи Алексѣевнѣ... площадные подьячіе Ивашка Суботинъ съ товарыщи: прежней де староста Оска Долговъ остарѣлъ; чтобъ Великіе Государи пожаловали, велѣли быть у нихъ старостою тебѣ. И по сему Великихъ Государей указу старостою тебѣ быть»... [2]) Обыкновенно староста происходилъ изъ среды площадныхъ подьячихъ; это былъ наиболѣе опытный, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ организаціи; такъ, напримѣръ, состоявшій старостою площадныхъ подьячихъ Посольскаго приказа въ 1691 г. Семіонъ Игнатьевъ поступилъ на «площадь» въ 1670—71 г., ранѣе весьма многихъ своихъ сотоварищей. Находясь во главѣ организаціи, староста являлся

[1]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. III, сс. 87—88.
[2]) А. И., т. V, № 149.

естественнымъ представителемъ ея и былъ посредникомъ между «площадью» и правительственною властью, передъ которой несъ отвѣтственность за работу площадныхъ подьячихъ. При вступленіи въ должность онъ обязанъ былъ принять дѣла отъ своего предшественника. Такъ, Ивану Новогородову предписывалось: «у прежняго старосты у Оски Долгова указные памяти и записные книги принять».

Въ своей дѣятельности староста обязанъ былъ руководствоваться соотвѣтствующими указами: «чинить во всемъ по указу жъ Великихъ Государей и по памятямъ». Главнымъ образомъ въ кругъ его обязанностей входилъ надзоръ за правильнымъ ходомъ работъ на площади. Онъ долженъ былъ слѣдить, чтобъ «всякіе крѣпости и посторонніе писма» писали съ его вѣдома, чтобъ «работныхъ людей помѣчали имяна и вершили на площади, и по помѣткамъ бы безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди денегъ не давали, давали бъ въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной полатѣ». Поэтому въ памяти новому старостѣ Ивану Новогородову далѣе предписывалось: «и того тебѣ смотрѣть надъ площадными подьячими, чтобъ кто воровски не учинилъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей, также бъ записавъ имяна работнымъ людемъ, записи писали и вершили и тебѣ отдавали вскорѣ, а безъ записей бы никакихъ работныхъ людей по помѣткамъ имянъ не отпускали, также бъ вмѣсто записей торговымъ людемъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пошлина Великихъ Государей не пропадала»... На ослушниковъ староста долженъ былъ подавать въ приказной палатѣ, которой была подчинена астраханская площадная организація, «докладные писма за руками... и тѣмъ людемъ отъ площеди будетъ отказано».

Если староста самъ поступалъ не по «указу Великихъ Государей» или скрывалъ злоупотребленія другихъ лицъ «по дружбѣ или для своей бездѣлной корысти», то ему угрожало жестокое наказаніе «безо всякіе пощады». Однако, однимъ надзоромъ не исчерпывались обязанности старостъ. Какъ мы уже видѣли, они сносились съ властями, давали всякаго рода справки, призывались для экспертизы и принимали участіе въ обычной работѣ на «площади» въ качествѣ писцовъ и послуховъ актовъ.

Изъ приведенныхъ ранѣе документовъ видно, что ивановская площадная организація въ 40 годы XVII в. находилась въ подчиненіи приказа Казеннаго двора. О томъ, что представлялъ собою этотъ приказъ приблизительно въ это время, сообщаетъ Котошихинъ. Казенный дворъ завѣдывалъ царской казной всякаго рода, которую брали во дворецъ для царскаго семейства и выдавали служилымъ людямъ на жалованье; вѣдалъ онъ также скорняковъ и портныхъ мастеровъ, которыхъ насчитывалось около 100 человѣкъ. Приходъ его—3000 рублей составлялся изъ сборовъ съ посадскихъ торговыхъ людей въ количествѣ около 500 человѣкъ, подчиненныхъ приказу. Деньги расходовались на жалованье подьячимъ и ремесленнымъ людямъ. Во главѣ приказа стоялъ казначей,—думный человѣкъ, а съ нимъ два дьяка [1]).

Какъ мы видѣли, въ приказѣ на Казенномъ дворѣ въ 1644—45 гг. разсматривалось дѣло о поступленіи Куземки Дмитріева на Ивановскую площадь. Трудно, конечно, объяснить подчиненіе важнѣйшей нотаріальной организаціи въ государствѣ приказу, бывшему въ серединѣ XVII в. главнымъ образомъ хранилищемъ царской казны. Можетъ быть, объясненіе слѣдуетъ искать въ тѣхъ разнообразныхъ функціяхъ, которыя выполнялъ приказъ ранѣе, когда, вѣроятно, произошло подчиненіе ему «площади» [2]). Между прочимъ, Казенный дворъ до учрежденія Посольскаго приказа былъ, по словамъ С. Бѣлокурова, первоначальной канцеляріей по внѣшнимъ сношеніямъ Московскаго государства. На немъ въ XV—XVI вв. бояре и казначеи весьма часто принимали иноземныхъ пословъ, особенно во время отсутствія великаго князя изъ Москвы. С. Бѣлокуровъ считаетъ, что онъ былъ казеннымъ не потому, что хранилъ казну, а казеннымъ, иначе государственнымъ дворомъ, на которомъ вѣдались государственныя дѣла, и указываетъ аналогичное ему учрежденіе, существовавшее въ Русско-Литовскомъ государствѣ при Господарской Радѣ и господарѣ, именно—государственную канцелярію великаго княжества Литовскаго. Чиновники послѣдней облекали въ письменную форму, зарегистрировали и выдавали по адресу всѣ постановленія и распоряженія господаря и пановъ-рады, а также изготовляли и различные дипломатическіе документы, грамоты, науки. Канцелярія была подчинена канцлеру, въ вѣдѣніи коего находилась государственная печать, и состояла изъ секретарей, писарей и дьяковъ. С. Бѣлокуровъ полагаетъ, что этой литовской государственной канцеляріи въ Москвѣ соотвѣтствовалъ Казенный дворъ,

---

[1]) Григорій Котошихинъ, О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, сс. 72—4.

[2]) Ранѣе была установлена связь Ивановской площади съ Помѣстнымъ приказомъ, которая продолжалась въ теченіе всего времени существованія «площади» и выражалась, по нашему мнѣнію, въ совершеніи «площадью» частноправовыхъ актовъ по помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ (наряду съ другими). Конечно, это вовсе не исключаетъ возможности подчиненія Ивановской площади приказу Казеннаго двора (или другому учрежденію). Къ тому же существуетъ мнѣніе, что Помѣстный приказъ также первоначально находился въ связи съ Казеннымъ дворомъ, изъ котораго и произошло выдѣленіе «помѣстнаго вѣдомства»; С. Шумаковъ, Къ исторіи Московскихъ приказовъ, въ Юрид. Запискахъ, 1911 г., в. II—III, с. 524.

который въ XV—XVI вв. былъ московской государственной канцеляріей впредь до выдѣленія особыхъ вѣдомствъ и образованія приказовъ. «Здѣсь именно», говоритъ онъ, «государевы дьяки приводили въ исполненіе приговоры Боярской думы, писали соотвѣтствующія грамоты и памяти» [1]). Такія функціи по изготовленію документовъ, которыми обладалъ Казенный дворъ въ XVI в., конечно, могли привести къ подчиненію ему ивановскихъ площадныхъ подьячихъ.

На основаніи свѣдѣній, имѣющихся за вторую половину 80 и начало 90 годовъ XVII в., можно полагать, что высшее завѣдываніе Ивановскою площадью въ это время было сосредоточено въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Вѣроятно, это находилось въ связи съ тѣми измѣненіями въ личномъ составѣ площадной организаціи, въ результатѣ которыхъ «площадь» всецѣло очутилась въ рукахъ стрѣльцовъ. Однако, намъ совершенно не извѣстно, когда произошла такая перемѣна. Въ 1686 г. площадь уже находилась въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа. Въ этомъ году къ нему обратились съ предложеніемъ изъ Помѣстнаго приказа прислать въ послѣдній ивановскихъ площадныхъ подьячихъ для экспертизы документовъ [2]). Также въ 1690 г., когда въ Новгородскомъ приказѣ потребовалось узнать, сколько получаютъ за письмо поручныхъ записей на «работныхъ людей» ивановскіе площадные подьячіе, обратились за справкою въ Стрѣлецкій приказъ, и «Ивановскія площади старосты Семенъ Козминъ да Андрей Ивановъ съ товарищи», дали требуемыя свѣдѣнія [3]).

Разсмотрѣнныя черты организаціи «площади» показываютъ значительное своеобразіе ея устройства. Она весьма сильно отличается отъ правительственныхъ учрежденій съ ихъ приказнымъ строемъ. Чтобы яснѣе представить это отличіе и намѣтить характеръ площадной организаціи, разсмотримъ послѣдовательно всѣ тѣ стороны ея, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія. Конечно, вполнѣ разрѣшить этотъ вопросъ въ виду недостаточности матеріала, который почти совершенно отсутствуетъ за ранній періодъ существованія «площади», не представляется возможнымъ.

По своему происхожденію первоначальная «площадь» являлась организаціей частнаго характера. Вслѣдствіе возникавшей иногда невозможности выполнять площадную работу одному человѣку, нѣсколько лицъ объединялись въ союзъ, чтобы, занимаясь «площаднымъ письмомъ», своего рода промысломъ, требовавшимъ спеціальныхъ знаній, совмѣстно преслѣдовать матеріальную цѣль,—получ

[1]) С. Бѣлокуровъ, Op. cit., сс. 20—21.
[2]) С. Шумаковъ, Сотницы, в. III, сс. 87—88.
[3]) Д. А. И., т. XII, № 62.

ченіе заработка, конечно, бо́льшаго при групповой работѣ въ виду уменьшенія расходовъ. Иногда это просто была группа родственниковъ. Такъ, въ Касимовѣ въ 1680 г. на площади работали четверо родныхъ братьевъ и ихъ дядя [1]).

Однако, самый характеръ нотаріальнаго дѣла, которое выполняла площадная организація, долженъ былъ вызвать надзоръ со стороны правительственной власти, утверждавшей «площадь» въ ея правахъ. Этотъ надзоръ усиливался по мѣрѣ увеличенія значенія «площади», какъ нотаріальнаго установленія.

Преслѣдованіе хозяйственной цѣли площадной организаціей замѣтно выступаетъ тамъ, гдѣ «площадное письмо» отдавалось на откупъ, что, вѣроятно, нерѣдко практиковалось въ различныхъ мѣстахъ Московской Руси, особенно въ первый періодъ существованія «площади». Это обстоятельство весьма важно для выясненія характера самой площадной организаціи. Въ Сибири откупъ площаднаго письма встрѣчается въ теченіе всего времени существованія «площади» [2]).

Въ остальныхъ мѣстахъ Московской Руси мы встрѣтили его только до первыхъ годовъ второго періода, такъ, напримѣръ, въ Арзамасѣ въ 1614—15 гг. [3]), Псковѣ въ 1627 и 1628 гг. [4]), Вязьмѣ

[1]) А. Ю. Б., т. I. № 55, XXXV.
[2]) Н. Оглоблинъ приводитъ отрывокъ изъ челобитной бывшаго туринскаго площадного подьячаго Степана Ушакова, которому въ 1639—40 гг. было велѣно: «быти въ Туринскомъ на площади въ писчихъ подьячишкахъ съ товарищи съ двема человѣки и писати на откупномъ оброкѣ»—по 7 рублей на годъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1894 г., сентябрь, с. 144 (см. тамъ же объ откупѣ въ Тобольскѣ 1640—41 гг.); см. также про Верхотурье, гдѣ въ 1666 г. откупу съ «площадного письма» площадной подьячій платилъ 14 р. 20 алтынъ на годъ. А. Дмитріевъ, Пермская старина, Пермь, 1897 г., в. VII, с. 188; А. И., т. V, № 92 (Краснопольская слобода въ 1681—82 гг.); Д. А. И., т. XI, № 11, VI (Якутскъ въ 1684 г.); см. еще грамоты о письмѣ крѣпостей въ Енисейскъ 1700 и 1701 гг. и Туринскъ 1701 г., Ѳ. Туманскій, Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ В., СПБ., 1787 г., ч. II, сс. 139—44, 161—64, 169—82.
[3]) Въ приходо-расходной книгѣ Нижегородской чети 7123 г. значится по Арзамасу: «откупныхъ недѣльныхъ, и площедного письма, и квасного, и сусленого, и пролубного и сенного откупу 66 р. 26 ал. 2 д.,» Р. И. Б., т. XXVIII, с. 126; см. также с. 127.
[4]) Псковской лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что въ эти годы «умышленіемъ» воеводы и дьяка «на окупъ дали квасниковъ, и извощиковъ, и дектяревъ, и байниковъ (банниковъ! см. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодина, 1837 г., с. 236;) на оброкъ, и отъ году во иной годъ съ прибылью и наддачею выше, и площадныхъ подьячихъ такоже», П. С. Л., т. IV, Псковская первая лѣтопись, с. 333.

въ 1635 г. [1]), наконецъ, въ Вологдѣ [2]) и Шуѣ [3]), въ которыхъ откупъ площадного письма былъ отмѣненъ въ 1654 г., что, повидимому, вообще находилось въ связи съ произведенной въ этомъ году отмѣной откуповъ на рядъ другихъ «мелкихъ промысловъ» [4]).

Матеріальная цѣль руководила также «оскудалыми» посадскими людьми въ Вологдѣ, просившимися въ 1668 г. «кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну». Вступленіе группы лицъ, очевидно, заранѣе вошедшихъ между собой въ соглашеніе, на площадь иногда происходило при содѣйствіи мѣстнаго общества, какъ напримѣръ, это было въ Костромѣ въ 1685—86 гг. [5])

Члены площадной организаціи имѣли равныя права и обязанности. На площади—всѣ товарищи, такъ они обыкновенно и назывались: «площадные подьячіе Ивашка Суботинъ съ товарищи», Ивановскія площади старосты Семенъ Козминъ да Андрей Ивановъ съ товарищи» и т. п. Они всѣ одинаково принимали участіе въ площадной работѣ—письмѣ и послушествованіи актовъ. Конечно, среди подьячихъ могло быть раздѣленіе по опытности въ работѣ, но это не нарушало ихъ равенства. Какъ было уже указано, староста также принималъ участіе въ общей работѣ. Онъ являлся только старшимъ товарищемъ болѣе опытнымъ и знающимъ. Староста избирался площадной организаціей; однако, утвержденіе его въ должности зависѣло отъ правительственной власти, которая

[1]) Въ памяти 1636 г. изъ Устюжской чети въ Разрядъ указывалось, что по окладу 1635 г. полагалось взять «съ Вязьмы, съ посаду, съ недѣль на вязмскихъ стрѣльцахъ на Петрушкѣ Немогорскомъ съ товарищи откупныхъ денегъ 17 рублей, да съ Вязьмы жъ, съ посаду, съ площадного письма откупныхъ денегъ на Петрушкѣ Немогорскомъ да на Филькѣ Исаевѣ 8 рублей...» Акты Москов. Государства, издан. Импер. Академіей Наукъ, Спб., 1894 г., т. II, № 42.

[2]) Въ Вологдѣ откупъ на квасъ, сусло, деготь, сало ворванье, площадное письмо, плавучій мостъ былъ отмѣненъ государевой грамотой съ 1 сентября 1654 г. по челобитью посадскихъ людей, которые указывали, что у нихъ эти «промыслы» «въ откупу, а на Москвѣ и въ Ярославлѣ и на Костромѣ и на Устюгѣ Великомъ тѣми промыслами кормятца мирские люди безъ откуповъ повольно...» Вологод. Губерн. Вѣдомости, 1854 г., ч. неоф., № 42, сс. 440—41.

[3]) Въ государевой грамотѣ 1654 г. Шуйскому воеводѣ Петру Овцыну указывалось: «въ Шуѣ на посадѣ сусло и квасъ и площадное писмо и мыльная мелкая рѣзь въ откупу за всѣми посадцкими людми, а откупу на нихъ десять рублевъ дватцать два алтына пять денегъ. и нынѣ указали есмя тѣмъ промысломъ кормитца Шуяномъ посадцкимъ людемъ безъ откупу и безоброчно...» А. Ю. Б., т. I, № 55, XIII.

[4]) П. С. З., т. I, № 122.

[5]) См. приведенную уже ранѣе челобитную кандидата на Костромскую площадь Ивашки Иванова.

вручала ему функціи надзора и руководства дѣлами «площади». Члены послѣдней могли также ходатайствовать объ удаленіи его съ должности. Отъ имени организаціи староста обыкновенно выступалъ не одинъ, а «съ товарищи». Такимъ образомъ, вся «площадь» состояла изъ равноправныхъ рабочихъ лицъ, не исключая и старостъ.

Наблюдается нѣкоторая самостоятельность площадной организаціи и въ другихъ вопросахъ внутренней жизни, о которыхъ намъ что-либо извѣстно, напримѣръ, въ установленіи платы за письмо актовъ. Имѣющіяся данныя позволяютъ предполагать, что заранѣе установленной правительственной таксы за письмо всякихъ площадныхъ актовъ не существовало. Вопросъ этотъ обыкновенно разрѣшался самой «площадью». Весьма вѣроятно, что плата чаще всего устанавливалась по взаимному соглашенію и регулировалась обычаемъ. Только, когда площадные подьячіе, пользуясь предоставленнымъ по Уложенію исключительно имъ правомъ писать нѣкоторые акты, явно начинали эксплоатировать лицъ, нуждавшихся въ ихъ услугахъ, происходило вмѣшательство правительственной власти. Конечно, въ первый періодъ существованія «площади» никакого вмѣшательства властей не требовалось, такъ какъ возможно было обойтись и безъ ея услугъ.

Въ 1690 г. власти Соловецкаго монастыря жаловались на «немѣрныя взятки» вологодскихъ площадныхъ подьячихъ, которые за письмо «поручныхъ круговыхъ записей» на «работныхъ людей», нанимавшихся на монастырскіе дощаники, брали «самоволствомъ своимъ, сговорясь межъ себя» по 8 и 10 денегъ съ человѣка; такъ какъ въ запись писалось обыкновенно 30—40 рабочихъ, то съ каждой получалась весьма значительная сумма «писчаго», доходившая до 2 рублей. Въ то же время для вологодскихъ посадскихъ людей, «судовыхъ промышленниковъ», у тѣхъ же самыхъ площадныхъ подьячихъ существовала другая расцѣнка работы, именно по 3-4 деньги съ рабочаго, внесеннаго въ такую запись. Въ Москвѣ, на Ивановской площади, по указанію самихъ челобитчиковъ, за письмо подобныхъ «работныхъ записей» взимали «по денги и по двѣ денги съ человѣка». Монастырскія власти просили указать вологодскимъ площаднымъ подьячимъ, сколько взимать «писчаго» съ работныхъ людей за письмо такихъ записей, или же разрѣшить писать ихъ другимъ лицамъ. Въ Новгородскомъ приказѣ, въ которомъ разсматривалось это дѣло, «указовъ, по чему брать площаднымъ подьячимъ отъ писма», не было найдено. Повидимому, такихъ указовъ не существовало и въ другихъ учрежденіяхъ. Такъ, когда обратились за справкой о платѣ въ Стрѣлецкій приказъ, въ вѣдѣніи ко-

тораго находилась тогда Ивановская площадь, то пришлось запрашивать старостъ Ивановской площади Семена Козмина и Андрея Иванова «съ товарищи», которые дали слѣдующія свѣдѣнія: «съ работныхъ записей и которые пишутъ подрядныя записи на извозчиковъ съ Москвы до Вологды и до иныхъ городовъ въ извозѣ пеньки и поташа и смалчуги и иныхъ всякихъ товаровъ и хлѣбныхъ запасовъ, а въ тѣ записи пишутся человѣкъ по 10 и по 20 и по 50 и по 100, за писмо они емлютъ отъ такихъ записей съ тѣхъ работныхъ и съ извощиковъ по 1 денгѣ и 2 денги, а болше того не емлютъ». Только тогда рѣшено было послать въ Вологду грамоту великихъ государей: «велѣть площаднымъ подьячимъ съ такихъ записей имать за писмо противъ Московскихъ площадныхъ подьячихъ съ человѣка по денгѣ; а болше того имъ имать не велѣть для того, что они городовые; а буде того могорыча себѣ взять не похотятъ, велѣть имъ тѣ записи писать приказнымъ и таможенныя избы подьячимъ» [1]).

Такимъ образомъ, установленіе размѣровъ «писчаго» за письмо только одного рода актовъ было вызвано непомѣрной эксплоатаціей вологодскими площадными подьячими «работныхъ людей», которыхъ нанималъ Соловецкій монастырь.

Имѣется весьма любопытное, правда, пока единичное указаніе на способъ распредѣленія заработка въ площадной организаціи. Такъ, на Вологодской площади «выписныя деньги», повидимому, дѣлились поровну, какъ это можно заключить изъ приведенной уже ранѣе челобитной 1668 г. двухъ вологодскихъ посадскихъ, просившихся на «площадь».

Даже тамъ, гдѣ особенно должна была сказаться правительственная опека, именно въ пріемѣ на «площадь» новыхъ членовъ, участвовала и площадная организація. Это мы наблюдаемъ при поступленіи на Ивановскую площадь Куземки Дмитріева. Во-первыхъ, происходило какъ бы одабриваніе кандидата со стороны старостъ-представителей организаціи, что, повидимому, равносильно было одобренію всей «площади». «И онъ человѣкъ добрый», говорили старосты, «а воровства мы за нимъ прежъ сего никакова ни въ чемъ не смечали и не знаемъ». Конечно, этого не было бы, если бы они призывались въ приказъ только для дачи свѣдѣній о «выбыломъ мѣстѣ». Во-вторыхъ, была дана по Куземкѣ Дмитріевѣ порука товарищами по «площади». Она весьма характерна. Правда, на основаніи этого случая еще нельзя разрѣшить вопроса о существованіи на «площади» круговой поруки, въ смыслѣ отвѣтственности всѣхъ за одного и одного за всѣхъ. Однако, порука по Куземкѣ Дмитріевѣ указываетъ на существованіе солидарной отвѣтственности среди тѣхъ членовъ площадной организаціи, которые за него поручились.

[1]) Д. А. И., т. XII, № 62.

Что площадные подьячіе могли поступаться своими мѣстами и принимать на нихъ новыхъ членовъ, конечно, съ согласія властей, извѣстно также изъ приведенной уже ранѣе челобитной старосты Сенки Игнатьева съ «товарищи», состоявшихъ на площади у Посольскаго приказа, организаціи наиболѣе подверженной вліянію приказныхъ порядковъ. Они же могли возбудить вопросъ объ удаленіи съ «площади» неугодныхъ имъ членовъ.

Въ общемъ можно предположить, что площадная организація, разсматриваемая нами, представляла собою союзъ, въ основаніи котораго лежало соглашеніе вступившихъ въ него въ моментъ возникновенія членовъ, равноправныхъ между собой, преслѣдовавшихъ хозяйственную цѣль, участвовавшихъ при веденіи дѣла трудомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ откупныхъ организаціяхъ) трудомъ и капиталомъ. Труднѣе по недостатку матеріала установить отвѣтственность «площади» за своихъ членовъ, которая замѣтнѣе всего должна выступать въ организаціяхъ, бравшихъ, «площадное письмо» на откупъ. Однако, возможно предполагать существованіе такой отвѣтственности не только въ откупныхъ организаціяхъ. Нѣкоторымъ основаніемъ для такого предположенія служитъ разсмотрѣнный уже случай поруки по Куземкѣ Дмитріевѣ на Ивановской площади. Имѣется также указаніе въ литературѣ на существованіе среди площадныхъ подьячихъ круговой поруки [1]). Указанныя черты «площади» свойственны артельнымъ организаціямъ, которыя въ значительномъ количествѣ существовали въ Московской Руси. Намъ кажется, что первоначальная площадь такого типа, какъ Ивановская, являлась организаціей артельнаго ха-

[1]) На существованіе круговой поруки среди площадныхъ подьячихъ имѣется указаніе, къ сожалѣнію, сдѣланное безъ ссылки на источникъ у А. М. Ѳемелиди, Русскій нотаріатъ, с. 62 (ср. Энцикл. Сл. Брокгауза, т. XXIV, с. 142). Существовала ли круговая порука на Ивановской площади, намъ не извѣстно. Но отсутствіе ея не лишаетъ организаціи артельнаго характера. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что извѣстны артели безъ круговой поруки, которая, по мнѣнію С. В. Пахмана, составляетъ далеко не общее явленіе въ артельной организаціи; см. С. В. Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, СПБ., 1877 г., т. I, сс. 252, 312—18. Къ нимъ, напримѣръ, можно отнести артели ярыжныхъ, существовавшія въ прежнее время, и въ позднѣйшее—артель лоцмановъ въ Архангельскѣ и др.; см. А. Исаевъ, Артели въ Россіи, Ярославль, 1881 г., сс. 51, 60—62, 191 примѣч. 4-ое, 237; см. также С. Огородниковъ, Лоцманская артель въ Архангельскѣ, въ Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, СПБ., 1873 г., в. I, сс. 76—108.

рактера. Конечно, имѣющійся матеріалъ недостаточенъ для окончательнаго разрѣшенія вопроса главнымъ образомъ въ виду того, что онъ довольно поздняго времени, когда на площадную организацію должна была повліять правительственная власть съ приказнымъ строемъ своихъ учрежденій. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду. Особенно со времени Уложенія правительство должно было усилить свою опеку надъ «площадью». Да и вообще нотаріальное дѣло, весьма важное по своему значенію для государства, требовало со стороны властей постояннаго надзора и вмѣшательства во внутреннія отношенія «площади», слѣдствіемъ чего могло быть нѣкоторое измѣненіе артельнаго строя организаціи и привнесеніе въ нее чертъ приказнаго устройства. Это выразилось, напримѣръ, въ утвержденіи правительственною властью выбраннаго «площадью» старосты и въ необходимости согласія власти на удаленіе его. Сказалась также правительственная опека въ пріемѣ и увольненіи отдѣльныхъ членовъ площадной организаціи [1]). Послѣднее обстоятельство должно было значительно повліять на ослабленіе связи и отвѣтственности ея членовъ другъ за друга.

Особенно велико было вліяніе приказныхъ порядковъ на тѣ площадныя организаціи, которыя существовали непосредственно при приказахъ. Такъ, на площади у Посольскаго приказа встрѣчается поступка мѣстомъ, произведенная безъ вѣдома самой организаціи. Но если правительственная власть по своему усмотрѣнію принимала кандидатовъ на «площадь», то сама организація могла не знать и не ручаться за нихъ. Отвѣтственность въ такихъ случаяхъ переносилась на третьихъ лицъ, знавшихъ кандидата. Такой случай мы наблюдаемъ въ порукѣ по стрѣлецкомъ пятидесятникѣ Тимоѳеѣ Кондратьевѣ, поступавшемъ на площадь у Посольскаго приказа въ 1692 г. Порутчиками по немъ были однополчане стрѣльцы [2]).

Реформа нотаріальнаго дѣла, проведенная въ Уложеніи, имѣла, какъ уже было отмѣчено, важное значеніе въ исторіи института площадныхъ подьячихъ. До 1649 г. немного извѣстно законодательныхъ мѣръ, которыя касались бы вопроса о совершеніи частноправовыхъ актовъ; въ большинствѣ случаевъ разрѣшеніе его предоставлялось самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Только Уложеніе

[1]) Впрочемъ, подобная зависимость отъ правительственной власти наблюдается и теперь во многихъ артеляхъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что степень самостоятельности артели можетъ быть весьма различна; см. А. Исаевъ, Op. cit., сс. 20—21.

[2]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о характерѣ площадей существовавшихъ при приказахъ на основаніи имѣющагося матеріала выяснить довольно трудно.

упорядочило совершеніе частноправовыхъ актовъ, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ, сосредоточивъ его, за нѣкоторыми исключеніями, въ рукахъ «площади», чѣмъ содѣйствовало оно также дальнѣйшему распространенію института площадныхъ подьячихъ. Въ сущности это была первая попытка систематическаго законодательства по данному вопросу [1]).

Въ то же время Уложеніе отличило значеніе площадного акта отъ домашняго. Вотъ почему съ 1649 г. начинается второй періодъ въ исторіи «площади», которой съ этого времени нѣкоторые изслѣдователи склонны приписывать значеніе публичнаго органа, исполнявшаго нотаріальную функцію [2]).

Съ этого момента Ивановская площадь заняла мѣсто главной нотаріальной организаціи въ Московскомъ государствѣ.

Уложеніе по цѣнности излагаемой сдѣлки различало крѣпости двухъ родовъ: «въ большихъ дѣлехъ»—на сумму свыше 10 рублей и «не въ большихъ дѣлехъ»—на меньшую сумму. Совершеніе первыхъ почти полностью было предоставлено «площади». Такъ, Уложеніе предписывало: данныя, закладныя, заемныя кабалы, вотчинныя и дворовыя купчія «и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлехъ»... «на Москвѣ и въ городѣхъ писати, и въ послусѣхъ писатися на площади площаднымъ подьячимъ» и запрещало писать ихъ въ иныхъ мѣстахъ, а также «мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ». Исключеніе составляли только сговорныя, духовныя и заемныя памяти, которыя разрѣшалось писать «въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ» и другимъ лицамъ (X, 246, 250). «Площадь» также писала служилыя кабалы (XX, 19) и отписи въ возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, даваемыя «на Москвѣ и въ городѣхъ»; въ селахъ и деревняхъ такія отписи разрѣшалось писать «иныхъ селъ земскимъ или церковнымъ дьячкомъ»... (XI, 4). Крѣпости «не въ большихъ дѣлехъ» дозволялось писать собственноручно лицамъ обязывающимся, даже безъ участія послуховъ, а также инымъ лицамъ, но въ послѣднемъ случаѣ съ нѣкоторыми ограниченіями при письмѣ ихъ въ селахъ и деревняхъ (X, 247—

[1]) А. Гасманъ, Op. cit., въ Объясн. зап. къ пр. нов. ред. полож. о нотар. части, ч. I, с. XXXII; см. еще мнѣніе А. Гасмана о характерѣ дьяка, писавшаго акты (такъ онъ называетъ площадного подьячаго) до Уложенія («публичный писецъ») и по Уложенію («настоящее должностное лицо, находящееся подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и сообщающее совершаемымъ у него актамъ ту силу и значеніе, которыми они не пользовались въ прежнее время»), Ibid., с. XXXVI.

[2]) И. Базановъ, Op. cit., с. 9; Л. Б. Мандельштамъ, Op. cit., въ Жур. Мин. Юстиціи, 1899 г., кн. 4, с. 28. Вопросъ этотъ требуетъ дальнѣйшаго обслѣдованія.

249). Акты должны были подписываться собственноручно лицами ихъ дающими, или же въ случаѣ ихъ неграмотности тѣми, «кому они въ томъ вѣрятъ». Такимъ образомъ, Уложеніе раздѣлило крѣпости по способу ихъ совершенія также на два рода: домашнія и «площадныя».

Во всѣхъ тѣхъ актахъ, совершеніе которыхъ поручено было «площади», послухами должны были писаться площадные подьячіе, при чемъ Уложеніе указывало: «а писати послуховъ въ крѣпостяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, въ большихъ дѣлехъ человѣкъ по пяти и по шти, а не въ большихъ дѣлехъ человѣка по два и по три, а меньши дву человѣкъ въ послусѣхъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати» (X, 246). Послѣднее предписаніе на практикѣ не всегда исполнялось: встрѣчаются разнообразные акты, совершенные на Ивановской площади, которые имѣютъ по одному послуху. Съ другой стороны, нѣкоторые акты имѣютъ количество послуховъ, значительно превышающее указанную высшую норму. Обязывая площадныхъ подьячихъ писаться послухами акта, Уложеніе узаконило обычай, который существовалъ задолго до него. Такая мѣра вызывалась необходимостью. Такъ, когда въ 1699 г. письмо крѣпостей было передано приказнымъ подьячимъ, и были введены свидѣтели, «люди добрые и знатные», вмѣсто послуховъ, площадныхъ подьячихъ, то оказалось, что «свидѣтели въ подпискѣ у крѣпостей во свидѣтельствѣ являются такіе, которыхъ и сыскать невозможно, и ежели по случаю явится въ крѣпостяхъ какое воровство, то и розыскивать не кѣмъ» [1]).

Вообще въ своей реформѣ нотаріальнаго дѣла составители Уложенія во многомъ воспользовались уже сложившимися организаціями и установившимся въ нихъ порядкомъ совершенія актовъ.

Послѣ Уложенія правильными по формальнымъ основаніямъ актами «въ большихъ дѣлехъ», за исключеніемъ сговорныхъ, духовныхъ и заемныхъ памятей, должны были считаться тѣ изъ нихъ, которые были совершены на площади. Принципъ этотъ признавался, но съ ограниченіемъ. Онъ дѣйствовалъ тамъ, гдѣ существовали площадные подьячіе. Такъ, власти Соловецкаго монастыря въ своей уже упоминавшейся ранѣе челобитной на «немѣрныя взятки» вологодскихъ площадныхъ подьячихъ за круговыя поручныя записи на «работныхъ людей» писали, что, кромѣ площадныхъ подьячихъ, безъ указа государей «такихъ записей на работныхъ людей никто писать не смѣетъ»; власти просили заставить площадныхъ подьячихъ понизить плату, или разрѣшить писать такія записи другимъ лицамъ съ слѣдующимъ условіемъ: «а которыя записи писаны будутъ

[1]) П. С. З., т. IV, № 1833.

и не ихъ площадныхъ подьячихъ руками и по тѣмъ записямъ велите, государи, по городомъ на работныхъ людей воеводамъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ судъ давать» [1]).

Въ 1697 г. въ Тихвинѣ, гдѣ до этого времени писали всякіе акты церковные дьячки, архимандритъ Тихвинскаго монастыря «съ братьею» пожаловалъ Григорія Харлампіева сына Земскихъ въ площадные подьячіе: «писать ему Григорью всякіе крѣпости и духовные памяти...» Съ этого момента всѣмъ церковнымъ дьячкамъ было запрещено писать какіе бы то ни было акты, «а буде съ сего вышеписаннаго числа онѣ дьячки учнутъ какіе крѣпости писать и челобитные, и тѣмъ крѣпостемъ не вѣрить и челобитенъ не писать же» [2]).

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ давался судъ, очевидно, только по актамъ, совершеннымъ на площади и инымъ крѣпостямъ «не вѣрили». Однако, несмотря на категоричность требованій закона, исключенія существовали. Въ 1699 г. въ Помѣстномъ приказѣ была опорочена одна закладная на томъ основаніи, что писана она была посадскимъ человѣкомъ, а не площаднымъ подьячимъ; это, конечно, противорѣчило Уложенію. Доводъ былъ признанъ достаточнымъ для разслѣдованія дѣла, однако, не былъ уваженъ, такъ какъ по справкѣ съ Разрядомъ оказалось, что въ томъ городѣ, гдѣ закладная была написана (Мещоскъ), «площадныхъ подьячихъ нѣтъ»; подлинность же акта не возбуждала сомнѣній [3]).

По своему значенію актъ, совершенный на площади, отличается Уложеніемъ отъ домашняго акта. По отношенію къ первому устанавливается, какъ отмѣчаетъ проф. Базановъ, принципъ довѣрія [4]). Уложеніе опредѣлило срокъ для оспариванія площадного акта: оно возможно было только до суда (X, 253); неосновательное оспариваніе даже въ предѣлахъ этого срока влекло за собою уголовное преслѣдованіе и обязанность возмѣстить убытки (X, 252). Также установило Уложеніе наказаніе площаднымъ подьячимъ за письмо «нарядныхъ» крѣпостей «воровствомъ за очи», за это имъ полагалось «отсѣчь рука», а послухамъ угрожала торговая казнь и тюремное заключеніе (X, 251).

Какъ извѣстно, нѣкоторыя крѣпости по совершеніи ихъ площадными подьячими надлежало въ опредѣленные сроки представлять къ запискѣ въ соотвѣтствующіе приказы или воеводскія учрежденія.

[1]) Д. А. И., т. XII, № 62.

[2]) А. Ю., № 355.

[3]) С. Шумаковъ, Къ исторіи Помѣстнаго приказа, въ Жур. Мин. Нар. Пр., 1905 г., августъ, сс. 422—26.

[4]) И. Базановъ, Op. cit., с. 10; см. еще о значеніи площадного акта у А. Гасмана, Op. cit., въ Объясн. зап. къ пр. нов. ред. полож. о нот. части, сс. XXXIII, XXXVI.

Въ приказѣ, какъ указываетъ К. А. Неволинъ, «по предъявленіи крѣпости разсматривали ее въ отношеніи къ законности порядка ея совершенія и содержанія, брали съ нее пошлины, записывали ее въ книги и съ означеніемъ на ней этой записки выдавали предъявителю» [1]).

Послѣ Уложенія законодательство не особенно часто касалось «площадного письма». Нѣкоторые изъ извѣстныхъ намъ указовъ по этому вопросу были обращены только къ подьячимъ Ивановской площади, что указываетъ на особенное значеніе ея въ ряду другихъ нотаріальныхъ установленій въ Московскомъ государствѣ. Въ 1650 г. 28 сентября послѣдовалъ указъ, подтверждавшій довѣріе къ актамъ, совершеннымъ на Ивановской площади. Вопросъ касался оставленія купленныхъ вотчинъ послѣ умершихъ за ихъ родственниками по купчимъ, совершеннымъ на Ивановской площади, въ томъ случаѣ, если «которые люди учнутъ бить челомъ, что тѣ умершіе тѣми вотчинами завладѣли у нихъ напрасно, мочью своею, и взяли у нихъ на тѣ вотчины купчія безденежно, и въ Помѣстномъ приказѣ за собою въ записныя вотчинныя книги записали, а сторонніе люди, которые при смерти умершаго были, скажутъ, что тѣ умершіе передъ смертью своею изустно приказывали отдать тѣ вотчины тѣмъ челобичикамъ безденежно». Указъ предписывалъ такимъ челобитчикамъ отказывать, сказкамъ сторонніхъ людей не вѣрить, «а быть вотчинамъ умершаго за родственники по купчей, буде купчая писана и послухи Ивановскія площади подьячіе» [2]).

Въ 1660 г. 27 января всѣмъ площаднымъ подьячимъ въ томъ числѣ, конечно, и ивановскимъ было запрещено писать для бѣломѣстцевъ купчія и закладныя на черные дворы [3]).

Но, очевидно, запрещеніе нарушалось; поэтому въ 1686 г. 22 января было велѣно: «площаднымъ подьячимъ учинить о томъ наказъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они на тяглые дворы и на дворовыя мѣста бѣломѣстцамъ купчихъ и закладныхъ и поступныхъ и никакихъ крѣпостей отнюдь не писали...» [4]).

Въ 1665 г. 27 мая ивановскимъ площаднымъ подьячимъ было запрещено писать «на полоняниковъ бусурманамъ» купчія подъ опасеніемъ денежнаго взысканія: «а кто на полоняника бусурмана напишетъ купчую, а того полоняника у бусурмана вымутъ и деньги

[1]) К. А. Неволинъ, Op. cit., т. IV, с. 57; о важномъ значеніи въ частности вотчинной записки см. И. Базановъ, Op. cit., сс. 11, 18 и далѣе.

[2]) П. С. З., т. I, № 46; см. еще о довѣріи къ площаднымъ актамъ т. II, №№ 763, 909, см. также т. III. № 1572, п. 12 (о безспорномъ характерѣ крѣпостныхъ актовъ).

[3]) П. С. З., т. I, № 272.

[4]) П. С. З, т. II, № 1157. Статьи о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ, ст. I.

по купчей доправятъ на подьячемъ, кто купчую писалъ». Указъ былъ вызванъ случаемъ покупки «Кизылбашами и Горскими Черкассами» взятыхъ въ плѣнъ литовскихъ «женокъ и дѣвокъ», при чемъ купчія на нихъ писались на Ивановской площади [1]).

Въ 1699 г. 23 января появился указъ, имѣвшій отношеніе къ дѣламъ площади, о введеніи гербовой бумаги и писаніи на ней всякихъ крѣпостей [2]).

Таково извѣстное намъ законодательство, касавшееся письма актовъ площадными подьячими, вплоть до указовъ Петра Великаго, направленныхъ къ реформѣ нотаріата.

Первый изъ нихъ, говорившій преимущественно о «премѣненіи Ивановскія площади въ письмѣ всякихъ крѣпостей», послѣдовалъ 9 декабря 1699 года. Подробно указъ касался актовъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ, совершавшихся на Ивановской площади и подлежавшихъ запискѣ въ Помѣстномъ приказѣ. Съ этого времени такіе акты велѣно было «писать на Москвѣ въ Помѣстномъ приказѣ подьячимъ добрымъ съ вѣдома того приказа судей, а вмѣсто послуховъ писать свидѣтелей людей добрыхъ и знатныхъ...» Въ отношеніи другихъ актовъ кратко было указано: «да и въ иныхъ приказѣхъ о крѣпостяхъ, въ которыхъ приказѣхъ, которыя крѣпости надлежатъ, чинить по сему жъ Его Великаго Государя указу, по Боярскому приговору, и о томъ въ тѣ приказы и въ городы къ Воеводамъ послать его Государевъ указъ» [3]).

Очевидно, въ соотвѣтствіи съ этимъ указомъ послѣдовалъ 1 января 1700 г. приговоръ президента и бургомистровъ о распредѣленіи письма различныхъ крѣпостей между Ратушей и Московской Большой Таможней; въ приговорѣ также отмѣчалось: «а площаднымъ подьячимъ во всякихъ дѣлѣхъ писать велѣно челобитныя» [4]).

Такимъ образомъ, роль площадныхъ подьячихъ Ивановской площади, какъ органа нотаріата, кончилась передъ самымъ началомъ XVIII в.

Какъ извѣстно, первая мѣра, предпринятая Петромъ Великимъ для замѣны «площади», — писаніе крѣпостей въ различныхъ учрежденіяхъ, совершенно не удалась.

[1]) П. С. З., т. I, № 374.

[2]) П. С. З., т. III, № 1673.

[3]) П. С. З., т. III, № 1732.

[4]) П. С. З., т. IV, № 1740; площадные подьячіе продолжали еще нѣкоторое время писать «челобитные и иные письма, опричь крѣпостей», см. Ѳ. Туманскій, Op. cit., ч. II, грамоты о письмѣ крѣпостей въ Енисейскъ 1700 и 1701 г., сс. 139—44, 169—82, и въ Туринскъ 1701 г., сс. 161—64. Указанія на площадныхъ подьячихъ встрѣчаются и позже, см. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Прав. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго (за 1714 г.), подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина, Спб., 1888 г., т. IV, №№ 90, 110, 468, 674 (пл. подьячіе при приказахъ Земскихъ Дѣлъ и Монастырскомъ), 838 и др.

30 января 1701 г. былъ учрежденъ для письма всякихъ крѣпостей, раздѣленныхъ на три статьи, новый институтъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, отличавшійся отъ института площадныхъ подьячихъ своимъ внутреннимъ устройствомъ и распорядкомъ работы; былъ также установленъ крѣпостной порядокъ совершенія актовъ. Завѣдываніе крѣпостными дѣлами и подьячими было поручено Оружейной палатѣ. Въ Москвѣ письмо актовъ вновь было сосредоточено въ Ивановской палаткѣ, ставшей «Палаткой Крѣпостныхъ Дѣлъ», въ рукахъ «особливо на то прибранныхъ подьячихъ» — 24 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ состояли прежде ивановскими площадными подьячими [1]).

Трое изъ такихъ подьячихъ, сохранившихъ вѣрность Петру Великому во время стрѣлецкихъ волненій, — Родіонъ Боровковъ, Василій Бурмистровъ и Григорій Титовъ вмѣстѣ съ живописцемъ Оружейной палаты Лукой Смольяниновымъ были назначены надсмотрщиками надъ остальными [2]).

Наконецъ, 15 апрѣля 1706 г. при той же Ивановской палаткѣ была создана особая организація съ «Челобитнымъ Писцомъ» во главѣ для письма челобитныхъ и иныхъ писемъ, которыя «къ дѣламъ крѣпостнымъ не принадлежатъ» и для прикладыванія рукъ къ актамъ за неграмотныхъ [3]).

Итакъ, въ началѣ XVIII в. была окончательно завершена реформа нотаріата, вызванная главнымъ образомъ желаніемъ Петра Великаго получать отъ письма крѣпостей большій доходъ, чѣмъ прежде, а также имѣть нотаріальныя установленія подъ дѣйствительнымъ контролемъ правительства.

---

[1]) Нѣкоторые подьячіе Ивановской площади пострадали во время стрѣлецкихъ волненій, въ которыхъ принимали участіе. Особенно замѣтно участіе ихъ въ событіяхъ 1689 г. На «площади» встрѣчены нами сторонники обѣихъ боровшихся тогда за власть партій, напримѣръ, приверженцы Софіи, сообщники Ѳ. Шакловитаго,— Глаткій Никита, Кондратьевъ Андрей, Романовъ Егоръ и Стрижевъ Алексѣй (всѣ четверо въ качествѣ послуховъ) и приверженцы Петра В.—Бурмистровъ Василій, Елизарьевъ Ларіонъ, Мелновъ Дмитрій. Улфовъ Ипатъ и др.; см. А. Ю. Б., т. III, № 363; Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщн., Спб., 1884 г., т. I, сс. 161, 564, 930 — 32 и др., здѣсь имѣется много свѣдѣній о поведеніи стрѣльцовъ, изъ коихъ нѣкоторые состояли на Ивановской площади; Соловьевъ, Op. cit., кн. III, сс. 1068, 1080; Устряловъ, Op. cit., т. II, сс. 31 — 94, т. III, сс. 227—28 и др. (о стрѣлецкихъ волненіяхъ 1698 г.).

[2]) П. С. З., т. IV, №№ 1833, 1838, 1848, 1953; о лойяльномъ поведеніи Р. Боровкова во время стрѣлецкаго бунта 1698 г. см. Устряловъ, Op. cit., т. III, сс. 164—65.

[3]) П. С. З., т. IV, № 2102.